

Оценка УВКПЧ проблем в области прав человека в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китайской Народной Республики

31 августа 2022 г.

Содержание

	Страница
I. Введение	1
II. Краткое описание СУАР	4
III. Правовая и политическая база Китая по противодействию терроризму и «экстремизму».....	6
A. Ясность, широта и объем понятий «терроризм» и «экстремизм»	7
B. Методология для выявления подозреваемых в «экстремизме» и лиц, «подвергающихся риску» «экстремизации»	9
C. Масштаб и характер мер реагирования на предполагаемое «террористическое» или «экстремистское» поведение	11
D. Широта превентивных, следственных и репрессивных полномочий, а также контроль и правовые средства защиты	12
IV. Тюремное заключение и другие формы лишения свободы	13
A. Направления в «Центры профессионального образования и обучения»	14
B. Задержание в уголовно-процессуальной порядке	21
V. Условия и обращение в «Центрах профессионального образования и обучения»	25
VI. Другие проблемы с обеспечением прав человека	29
A. Религиозная, культурная и языковая идентичность и самовыражение.....	30
B. Права на неприкосновенность частной жизни и свободу передвижения	35
C. Репродуктивные права.....	39
D. Вопросы занятости и труда	43
VII. Разлучение семей и репрессии.....	47
A. Разлучение семей и насильственные исчезновения	47
B. Запугивания, угрозы и репрессии.....	49
VIII. Общая оценка и рекомендации	50
Приложение.....	54

I. Введение

1. В конце 2017 года Управление Верховного комиссара ООН по правам человека (УВКПЧ) стало получать возрастающее число обращений от различных организаций гражданского общества о том, что члены уйгурских и других преимущественно мусульманских этнических меньшинств пропадают без вести или исчезли¹ в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китайской Народной Республики (далее «СУАР» и «Китай»). В 2018 году Рабочая группа по насильственным или недобровольным исчезновениям сообщила, что «с открытием правительством Китая лагерей „перевоспитания” в Синьцзян-Уйгурском автономном районе» число обращений из СУАР критически выросло.² В многочисленных исследованиях и отчетах о расследованиях, опубликованных с тех пор различными неправительственными организациями, аналитическими центрами и средствами массовой информации, а также в публичных постах потерпевших, говорится о широкомасштабных произвольных задержаниях в так называемых «лагерях», а также о жалобах на пытки и другие виды жестокого обращения, включая сексуальное насилие и принудительный труд.³
2. В ходе рассмотрения периодического доклада Китая в августе 2018 года Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации выразил тревогу по поводу многочисленных сообщений о задержаниях большого числа этнических уйгуров и представителей других мусульманских меньшинств под предлогом противодействия религиозному экстремизму в СУАР.⁴ Правительство заявило, что «центры профессионального обучения существуют для людей, совершивших «незначительные правонарушения».⁵ В последующих программных документах правительство представило эти центры как часть стратегии по борьбе с терроризмом и противодействию «экстремизму» и его профилактике в СУАР, а также как способствующие развитию, созданию рабочих мест и снижению уровня бедности в регионе.⁶
3. Учитывая широту и серьезность обвинений, а также характер полученной информации, УВКПЧ с 2018 года запрашивало доступ в СУАР для проверки этих обращений.⁷ Параллельно, в рамках имеющихся ресурсов и в соответствии с глобальным мандатом, предусмотренным резолюцией 48/141 Генеральной Ассамблеи, УВКПЧ отслеживали ситуацию и рассматривали обвинения, критически

¹ Помимо уйгуров, это касается этнических казахов, киргизов, узбеков и хуэйцев. Далее в этом отчете термин «уйгуры и представители других преимущественно мусульманских меньшинств» будет использоваться в качестве сокращенного обозначения. Однако Управление учитывает, что в этих общинах есть немусульмане и некоторые правительственные программы, обсуждаемые в этом отчете, могли затронуть людей из других этнических групп.

² См. Сообщения, рассмотренные случаи, замечания и другая деятельность, осуществленная Рабочей группой по насильственным или недобровольным исчезновениям* 115-я сессия (23 апреля – 2 мая 2018 года). Приложение I, Общие обвинения, A/HRC/WGEID/115/1, 16 августа 2018 г.; Ежегодный доклад Рабочей группы по насильственным и недобровольным исчезновениям Совету по правам человека, 30 июля 2018 г., A/HRC/39/46, п. 88 и приложение I.

³ Список статей и материалов СМИ о ситуации в СУАР см. в «Библиографии избранных новостных репортажей и академических работ», составленной М. Фискешё, доступна по адресу: Библиография – Уйгурский проект по правам человека (uhrp.org); Публичные отчеты жертв доступны в Базе данных жертв в Синьцзяне: www.shahit.biz.

⁴ Заключительные замечания по объединенным Четырнадцатому-Семнадцатому периодическим докладам Китая (включая Гонконг, Китай и Макао, Китай), CERD/C/CHN/CO/14-17, п. 40(a), 19 сентября 2018 года.

⁵ Там же.

⁶ Белая книга «Профессиональное образование и обучение в Синьцзяне» (оригинальный документ на английском языке). Госсовет, 17 августа 2019 года.

⁷ УВКПЧ, Вступительное заявление и глобальный обзор проблем в области прав человека Верховного комиссара ООН по правам человека Зейда Раада аль Хусейна на 38-й сессии Совета по правам человека (18 июня 2018 г.)

анализируя общедоступные официальные документы, а также исследовательские материалы, спутниковые снимки и другую информацию из открытых источников. УВКПЧ проверяли происхождение, достоверность, вес и надежность информации в соответствии со своей стандартной методологией. В ходе проверки УВКПЧ особое внимание уделял официальным документам правительства, включая законодательные акты, программы, статистические данные, судебные решения, официальные заявления и белые книги, обнародованные правительством, а также ряд других общедоступных документов, которые УВКПЧ оценил как подлинные с высокой степенью вероятности, основываясь на явных признаках официального характера в этих документах.⁸ УВКПЧ также внимательно изучил информацию, представленную правительством, в том числе для рассмотрения в договорных органах ООН по правам человека и в рамках специальных процедур ООН,⁹ а также изучил материалы, представленные академическими и другими учреждениями внутри Китая.¹⁰

4. В рамках продолжающегося диалога 17 марта 2021 года УВКПЧ официально направил Постоянному представительству Китая при Организации Объединенных Наций в Женеве запрос на предоставление пакета информации с подробным перечнем вопросов, представляющих особый интерес. На основе анализа ранее представленных материалов в запрашиваемый пакет были включены и официальные данные. УВКПЧ не получил официального ответа. 19 июля 2021 года УВКПЧ также предложил провести встречу с соответствующими правительственными чиновниками

⁸ Последнее относится, в частности, к ряду документов, входящих в так называемые «Китайские телеграммы», «Синьцзянские документы», «Список Караках», «Базу данных полиции Урумчи», и, совсем недавно, «Полицейские файлы Синьцзяна», которые полностью или частично были обнародованы различными средствами массовой информации и исследователями или предоставлены в УВКПЧ. В отношении ряда этих документов УВКПЧ удалось провести проверку подлинности, по результатам которой документы с высокой вероятностью являются подлинными и, следовательно, на них можно с полным основанием полагаться при обосновании другой информации. Для других такая проверка была невозможна, даже если УВКПЧ не имеет никаких доказательств считать эти документы недостоверными. УВКПЧ не использовало ни один из этих документов как единственный источник для того, чтобы сделать какие-либо выводы. В этот доклад включаются ссылки на такие документы, если их содержание соответствует содержанию других источников информации.

⁹ См. ответ правительства от 16 декабря 2019 года на совместное сообщение группы специальных докладчиков Совета по правам человека ООН, JOL CHN 18/2019; Комментарии правительства о применении Закона КНР о борьбе с терроризмом (Закон о борьбе с терроризмом), обнародованного 27 декабря 2015 года и вступившего в силу с 1 января 2016 г., и мерах по его исполнению на региональном уровне, а также о мерах по осуществлению в СУАР Закона КНР по борьбе с терроризмом от 2016 года, отправленные 1 ноября 2019 г.; Ответ правительства от 8 декабря 2019 г. на Совместное срочное сообщение группы специальных докладчиков Совета по правам человека ООН JUA CHN 21/2019 по поводу ситуации г-на Ташполата Тийипа, 2 октября 2019 г.; Ответ правительства от 23 ноября 2020 г. на Совместное письмо JAL CHN 14/2020, касавшееся утверждений об использовании видеонаблюдения для отслеживания и, в конечном итоге, задержания лиц, принадлежащих к мусульманским меньшинствам в Китае, 7 июля 2020 г.; Ответ правительства от 13 октября 2021 г. на Совместное письмо JAL CHN 18/2020, касавшееся утверждений о принудительном труде в центрах профессионального образования, 12 марта 2021 г. и Ответ правительства от 23 мая 2021 г. на Совместное письмо JAL CHN 21/2020 г., касавшееся обвинений в произвольном задержании, жестоком обращении, а также гендерном насилии в отношении г-жи Гульбахар Джалиловой, 10 февраля 2020 года.

¹⁰ Сюда входит представленный 27 июля 2021 года список тринадцати пресс-конференций, проведенных китайскими официальными лицами по ситуации в СУАР, с объяснением различных мер и достижений, касающихся безопасности, развития, борьбы с бедностью, планирования семьи, рождаемости, труда и занятости, а также пять документальных фильмов, раскрывающих дополнительные детали. УВКПЧ также получило множество материалов, в том числе от научно-исследовательских институтов и организаций, базирующихся в СУАР, и приняло участие в многочисленных параллельных мероприятиях, организованных Постоянным представительством КНР в Женеве.

для обсуждения применимой правовой базы, касающейся борьбы с терроризмом, а также предотвращения и противодействия «экстремизму» в СУАР.¹¹

5. В дополнение к анализу большого объема документов УВКПЧ также провел, в соответствии со своей стандартной практикой и методикой, 40 глубинных интервью с лицами, непосредственно знающими ситуацию в СУАР (24 женщины и 16 мужчин; 23 уйгура, 16 этнических казахов, 1 этнический кыргыз). Двадцать шесть опрошенных заявили, что они либо находились под стражей, либо с 2016 года работали в различных учреждениях, расположенных на всей территории СУАР. В каждом случае УВКПЧ оценивал надежность и достоверность этих лиц, достоверность передаваемой информации и ее соответствие информации, полученной из других источников.¹² Проведение интервью представляло собой серьезную проблему. Большинство интервью были проведены удаленно по причинам, связанным с COVID и/или безопасностью. В соответствии со стандартной практикой УВКПЧ в дополнение к принципу «не навреди» были приняты еще меры для усиления защиты лиц, предоставляющих информацию.
6. Оценки в этом документе выносились на основе обязательств Китая по международному праву в области прав человека, содержащихся главным образом в договорах по правам человека, государством-участником которых является Китай. В частности, в Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (КЛРД), Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (КПП), Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (КЛДЖ), Конвенции о правах ребенка (КПР), Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (КЭСКП) и Конвенции о правах инвалидов (КПИ). Китай также подписал, хотя и еще не ратифицировал, Международный пакт о гражданских и политических правах (МПГПП), по этой причине он обязан по закону воздерживаться от любых действий, которые нарушали бы объект и цель этого договора.¹³ Кроме того, Китай связан нормами прав человека, которые составляют обычное международное право, особенно в отношении права на жизнь, запрета дискриминации по признаку расы, религии или пола, а также права на свободу религии.¹⁴ Более того, некоторые нормы права в области прав человека также считаются *jus cogens*, или императивными нормами международного права, принятыми и признанными международным сообществом государств в целом как норма, отступление от которой не допускается ни при каких обстоятельствах. К ним относятся запреты на произвольное лишение жизни, пытки, рабство, произвольные задержания, расовую дискриминацию и совершение международных преступлений, включая преступления против человечности.¹⁵ Наконец, УВКПЧ рассмотрел стандарты, содержащиеся в

¹¹ 3 сентября 2021 года была отправлена дополнительная записка с подробным указанием вопросов, требующих разъяснений.

¹² Более трети из 40 опрошенных либо не давали интервью другим лицам, либо в прошлом давали интервью исследователям, гражданскому обществу или журналистам, но предпочли не делиться публично своим опытом до общения с УВКПЧ. Если в оценке непосредственно цитируется рассказ респондента, УВКПЧ принимает заявление в том виде, в каком оно было оценено и описано как правдивое и актуальное, если не указано иное. Прямые ссылки на конкретные заявления в отчете не следует воспринимать как указание на то, что это единственное основание для суждения в отношении анализируемых вопросов. Эти прямые ссылки и цитаты были включены в качестве примера или иллюстрации.

¹³ Статья 18 Венской конвенции о праве международных договоров (1969 г.).

¹⁴ См., например, Комитет ООН по правам человека, Замечание общего порядка № 24: Вопросы, касающиеся оговорок, сделанных при ратификации или присоединении к Пакту или Факультативным протоколам к нему, или в отношении заявлений согласно статье 41 Пакта (CCPR/C/21). /Rev.1/Add.6), п. 8.

¹⁵ См. Генеральная Ассамблея – Доклад Комиссии международного права [71 сессия (29 апреля – 7 июня и 8 июля – 9 августа 2019 г.)], A/74/10, пар. 56 о преступлениях против человечности, расовой дискриминации, рабстве и пытках; Комитет ООН по правам человека, Замечание общего порядка № 36 – Право на жизнь, CCPR/C/GC/36 (3 сентября 2019 г.), п. 68 о произвольном лишении жизни; Совет по правам человека, Отчет Рабочей группы по произвольным задержаниям, A/HRC/22/44 (24 декабря 2012 г.), п. 79 о произвольном задержании.

документах Организации Объединенных Наций по борьбе с терроризмом, предотвращении и противодействии насильственному экстремизму, а также в конвенциях Международной организации труда о правах трудящихся.¹⁶

7. Результаты оценки были переданы правительству для комментариев, как это предусмотрено стандартной практикой УВКПЧ. Ответ правительства на его запрос прилагается к настоящему докладу.
8. Отдельно правительство направило Верховному комиссару приглашение посетить Китай в сентябре 2018 года. Из-за пандемии COVID-19 и необходимости обсуждения параметров такого визита договоренность о визите была достигнута только в марте 2022 года. В рамках визита с правительством Китая было согласовано, что Верховный комиссар также посетит СУАР. После направления группы для подготовки этой поездки сам визит состоялся в апреле–мае 2022 года.

II. Краткое описание СУАР

9. СУАР — крупнейший регион Китая, занимающий одну шестую часть его общей территории, с населением 25,85 миллиона человек. Он богат такими ресурсами, как уголь, газ, нефть, литий, цинк и свинец, а также является основным источником сельскохозяйственной продукции, например, хлопка. Поскольку регион имеет внешние границы с Афганистаном, Индией, Казахстаном, Кыргызстаном, Монголией, Пакистаном, Российской Федерацией и Таджикистаном, то он также обеспечивает выход на рынки Центральной Азии и за ее пределы.

10. В демографическом отношении СУАР был одним из самых быстрорастущих регионов Китая, и его этнический состав постепенно менялся, начиная с 1949 года.¹⁷ В 1953 году, на момент первой переписи населения, более 75 процентов от общей численности населения региона составляли уйгуры, преимущественно мусульмане-сунниты, при этом семь процентов составляли этнические ханьские китайцы. Другие, преимущественно мусульманские этнические группы, проживающие в регионе, включают, в алфавитном порядке, народы хуэй, казахов, кыргызов, монголов и таджиков. Хотя общая численность как ханьских, так и уйгурских этнических групп выросла, но согласно последней переписи населения и правительственной Белой книге «Динамика и данные о населении Синьцзяна» уйгурское население в настоящее время составляет около 45 процентов от общей численности населения региона, а ханьские китайцы — около 42 процентов.¹⁸ Эти сдвиги, по-видимому, во многом являются следствием миграции этнических хань в западные регионы, в том числе в результате стимулов, предоставляемых государственной политикой.¹⁹

11. Население СУАР традиционно является одним из самых бедных в Китае. Это было в центре внимания многочисленных программ развития и борьбы с бедностью,

¹⁶ Обратите внимание, в частности, на Глобальную контртеррористическую стратегию ООН (A/RES/60/288) и План действий ООН по предупреждению насильственного экстремизма (A/70/674). Сюда же относятся резолюции Совета Безопасности, в том числе S/RES/1373 (2001 г.), S/RES/1566 (2004 г.), S/RES/1624 (2005 г.), S/RES/2178 (2014 г.) и S/RES/2396 (2017 г.); Конвенции МОТ о дискриминации в сфере труда и занятий 1958 года (№ 111) и о политике в сфере занятости 1964 года (№ 122). В настоящее время ведется ратификация конвенций МОТ № 29 (принудительный труд) и № 105 (отмена принудительного труда).

¹⁷ См. China Daily, «Население Синьцзяна стабильно растет за последнее десятилетие», 15 июня 2021 г. Согласно переписи 2020 года, население СУАР лет выросло на 18,5 процента за десятилетие, что сделало его одним из самых быстрорастущих регионов Китая, см.: china2020-census-table (newgeography.com), что во многом объясняется миграцией из других частей страны.

¹⁸ См. Динамика и данные о населении Синьцзяна, Информационное бюро Госсовета Китайской Народной Республики, сентябрь 2021 г.; Национальное бюро статистики Китая, «Основные данные Седьмой переписи населения, пресс-релиз», 11 мая 2021 г.

¹⁹ См., например, China Daily, «Население Синьцзяна стабильно растет за последнее десятилетие», 15 июня 2021 г.

разработанных центральными властями.²⁰ По данным государственных СМИ, в период с 2014 по 2018 год 2,3 миллиона человек в СУАР преодолели черту бедности, из них 1,9 миллиона были выходцами из южного Синьцзяна, где самая высокая численность этнических групп.²¹ По официальной информации правительства, в 2021 году в Синьцзяне был зарегистрирован семипроцентный рост валового внутреннего продукта (ВВП), а также рост располагаемого дохода на душу населения городских и сельских жителей на восемь процентов и 10,8 процента соответственно.²² Кроме того, по сообщениям, было построено 1,69 миллиона сельских домов и 1,56 миллиона субсидируемых государством жилищных проектов в городах и поселках.²³ Однако правозащитные механизмы ООН на протяжении многих лет выражали обеспокоенность по поводу дискриминации в экономической, социальной и культурной сферах в этнических регионах, включая СУАР.²⁴

12. В июле 2009 года беспорядки вспыхнули в столице региона Урумчи. Тогдашний Верховный комиссар ООН по правам человека призвала к расследованию причин насилия.²⁵ Правительство сообщило, что «с 1990 года по конец 2016 года сепаратистские, террористические и экстремистские силы совершили тысячи террористических атак в Синьцзяне, убив большое количество невинных людей и сотни полицейских, и нанеся неизмеримый ущерб имуществу».²⁶ В различных китайских городах за пределами СУАР также произошла серия инцидентов с применением насилия, в результате которых погибли десятки людей, и которые правительство, со своей стороны, последовательно характеризует как террористические по своему характеру.²⁷ В то же время продолжали поступать сообщения об участии большого числа уйгуров в качестве боевиков в вооруженных группировках, в том числе в Афганистане и Сирии, подпадающих под антитеррористические санкции ООН, и это оставалось причиной обеспокоенности как китайских властей, так и международного сообщества.²⁸

13. В мае 2014 года, после этих событий, правительство начало так называемую кампанию «Сильный удар» по борьбе с террористическими угрозами, которые оно связывало с религиозным «экстремизмом» и сепаратизмом в СУАР.²⁹ В Белой книге

²⁰ См., например, Великую стратегию развития Западного Китая, запущенную в 1990-х годах.

См. Министерство экологии и окружающей среды Китайской Народной Республики, «Введение в реализацию Великой стратегии развития Западного Китая», 2 ноября 2000 года.

²¹ Синьхуа, «Синьцзян добился успехов в борьбе с бедностью», 11 октября 2019 года.

²² См. «Синьцзян регистрирует уверенный экономический рост в 2021 году», Информационное бюро Государственного совета Китайской Народной Республики, 30 января 2022 года.

²³ См. «Достижения стабильности и развития в Синьцзяне», Генеральное консульство Китайской Народной Республики в Окленде, Новая Зеландия, 28 декабря 2020 года.

²⁴ См., например, Заключительные замечания Комитета ООН по ликвидации расовой дискриминации в отношении Китайской Народной Республики, CERD/C/304/Add.15, 27 сентября 1996 г., пп. 14 (выражение обеспокоенности в отношении, в частности, «мусульманских частей Синьцзяна») и 18 (выражение более общей озабоченности в отношении «регионов этнических меньшинств, отдаленных от столицы»), а также Заключительные замечания Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам.

²⁵ См. УВКПЧ, «Глава ООН по правам человека обеспокоен большим количеством человеческих жертв в китайском регионе Синьцзян», 7 июля 2009 года.

²⁶ См. Информационное бюро Госсовета Китайской Народной Республики, «Борьба с терроризмом и экстремизмом и защита прав человека в Синьцзяне», март 2019 года.

²⁷ См. Global Times, «Террористы задержаны за смертельную авткатастрофу», 31 октября 2013 г.; Global Times «Полиция признала авткатастрофу на площади Тяньаньмэнь террористическим актом», 30 октября 2013 г.; China Daily, «Нападение на железную дорогу организовано террористами», 2 марта 2014 г.; The Guardian, «Китайская полиция разыскивает двух мужчин из Синьцзяна после смертельной авткатастрофы на площади Тяньаньмэнь», 29 октября 2013 г.; BBC, «Четверо приговорены в Китае за нападение на станцию в Куньмине», 12 сентября 2014 года.

²⁸ Например, Reuters: «Сирия заявляет, что в группировках боевиков воюют до 5000 китайских уйгуров», 8 мая 2017 года.

²⁹ См. Информационное бюро Госсовета Китайской Народной Республики, Белая книга «Борьба с терроризмом и экстремизмом и защита прав человека в Синьцзяне», март 2019 г., в которой

2019 года правительство заявило, что «с 2014 года Синьцзян уничтожил 1588 насильственных и террористических банд, арестовал 12 995 террористов, конфисковал 2052 взрывных устройств, применил санкции к 30 645 людям за 4858 незаконных религиозных мероприятий и конфисковал 345 229 экземпляров незаконных религиозных материалов». ³⁰ Правительство заявило об успехе своего подхода, сообщив, что с 2016 года в СУАР не было террористических инцидентов. ³¹

III. Правовая и политическая база Китая по противодействию терроризму и «экстремизму»

14. В официальных заявлениях правительство подчеркивало, что «вопросы, связанные с Синьцзяном, по существу связаны с противодействием насильственному терроризму и сепаратизму», и что оно делает это «в соответствии с законом». ³² В своей Белой книге «*Борьба с терроризмом и экстремизмом и защита прав человека в Синьцзяне*» от марта 2019 года, правительство заявило, что законы Китая являются «мощными правовыми инструментами для сдерживания и борьбы с терроризмом и экстремизмом» и оно поддерживает «принципы защиты законной деятельности, пресечение незаконных действий, сдерживание экстремизма, противодействие инфильтрации, а также предотвращение преступлений и наказание за преступления». Оно также подчеркивало, что местное правительство СУАР «полностью уважает и защищает гражданские права, включая свободу религиозных убеждений».

15. В соответствии с международным правом, резолюции Организации Объединенных Наций и другие документы постоянно подчеркивают, что меры государств по борьбе с терроризмом и насильственным экстремизмом должны быть прочно основаны на уважении прав человека и верховенстве права. ³³ В них признается, что эффективные меры по борьбе с терроризмом и насильственным экстремизмом, с одной стороны, и защита прав человека, с другой, не являются противоречащими друг другу целями, а дополняют и подкрепляют друг друга. Обеспечение контртеррористического реагирования, соответствующего нормам прав человека, требует, чтобы соответствующее законодательство и применимая политика обеспечивали основу, которая должным образом учитывает и ограничивает риски и последствия для прав человека, исключает произвольное и дискриминационное применение закона и включает соответствующие гарантии и средства правовой защиты от нарушений. Верховный комиссар ООН и Специальный докладчик ООН по вопросам поощрения и защиты прав человека и основных свобод в условиях противодействия терроризму, среди прочего, подчеркнули, что это остается проблемой во многих правовых системах. ³⁴

говорится, что «сепаратизм является очагом, в котором терроризм и экстремизм укореняются в Синьцзяне».

³⁰ См. Информационное бюро Государственного совета Китайской Народной Республики, Белая книга «Борьба с терроризмом и экстремизмом и защита прав человека в Синьцзяне», март 2019 года.

³¹ Информационное бюро Госсовета Китайской Народной Республики, Белая книга «Уважение и защита прав всех этнических групп в Синьцзяне», июль 2021 года.

³² Например, выступление Его Превосходительства Ван И, государственного советника и министра иностранных дел Китайской Народной Республики, «Ориентированный на людей подход к глобальному прогрессу в области прав человека» на заседании высокого уровня 46-й сессии Совета ООН по правам человека, 22 февраля 2021 года.

³³ Например, Глобальная контртеррористическая стратегия ООН (A/RES/60/288) и План действий ООН по предотвращению насильственного экстремизма (A/70/674).

³⁴ См., например, доклад Верховного комиссара ООН по правам человека «передовой опыт и извлеченные уроки в отношении того, как защита и поощрение прав человека способствуют предотвращению насильственного экстремизма и борьбе с ним» (A/HRC/33/29), 21 июля 2016 г. и «Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом» (A/HRC/43/46), 21 февраля 2020 г. См. также комментарии Специального докладчика ООН по законодательству и политике различных государств мира: <https://www.ohchr.org/en/special-procedures/sr-terrorism/comments-legislation-and-policy>.

16. Китай разработал то, что он называет «системой антитеррористического законодательства»,³⁵ которая состоит из специального законодательства о национальной безопасности и борьбе с терроризмом,³⁶ общего уголовного права и уголовно-процессуального права,³⁷ а также официальных положений, касающихся религии и «деэкстремизации».³⁸ Большинство этих законов и правил, как на национальном уровне, так и на уровне СУАР, были приняты или пересмотрены в период с 2014 по 2018 годы в контексте кампании «Сильный удар». Эти изменения сопровождались многочисленными официальными политическими заявлениями и пояснениями.³⁹

А. Ясность, широта и объем понятий «терроризм» и «экстремизм»

17. Закон КНР о борьбе с терроризмом («СТЛ») и «Меры Синьцзяна по осуществлению Закона КНР о борьбе с терроризмом» («ХИМ») определяют терроризм как:

«намерения и действия, которые создают социальную панику, ставят под угрозу общественную безопасность, посягают на физическую безопасность людей или на собственность или для достижения своих политических, идеологических или других целей оказывают давление на национальные органы или международные организации с помощью таких методов как насилие и запугивание разрушением».⁴⁰

18. Элементы определения сформулированы широко. Такие понятия, как «намерения», «социальная паника» и «другие цели», четко не определены и потенциально могут охватывать широкий спектр действий, которые существенно далеки от достаточного порога серьезности и очевидного намерения участвовать в террористической деятельности.⁴¹ И в СТЛ, и в ХИМ определение терроризма сопровождается списком действий, которые представляют собой «террористическую деятельность», что вносит некоторую ясность в определение:

«Для целей настоящего Закона „террористическая деятельность” означает следующее поведение террористического характера: (1) Организация, планирование, подготовка или осуществление действий, которые приводят к или пытаются привести к жертвам, причиняют серьезные материальные потери, ущерб общественным объектам, вызывают нарушение общественного порядка и иной серьезный социальный вред; (2) Пропаганда терроризма, подстрекательство к террористической деятельности, незаконное хранение предметов, пропагандирующих терроризм, либо принуждение других лиц

³⁵ Белая книга «Борьба с терроризмом и экстремизмом и защита прав человека в Синьцзяне», март 2019 года.

³⁶ Закон о национальной безопасности 2015 года; Закон о борьбе с терроризмом 2015 года; Меры по осуществлению в СУАР Закона КНР о борьбе с терроризмом от 2016 года (в редакции 2018 года).

³⁷ Уголовное право Китая (и различные поправки к нему); Уголовно-процессуальный закон Китая (и различные поправки к нему); Заключение по некоторым вопросам применения законодательства при рассмотрении уголовных дел, связанных с терроризмом и экстремизмом (выпущены совместно Верховным народным судом, Верховной народной прокуратурой, Министерством общественной безопасности и Министерством юстиции в марте 2018 года).

³⁸ Положение по делам религии (с поправками, внесенными в 2017 году); Положение СУАР по делам религии (с поправками, внесенными в 2014 году); Положение СУАР о деэкстремизации 2017 года (с изменениями в 2018 году).

³⁹ Например, 11 Белых книг правительства о ситуации в СУАР: http://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/page_1.html.

⁴⁰ Статья 3, СТЛ; Статья 3, ХИМ.

⁴¹ См. «Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом: десять областей передовой практики в борьбе с терроризмом» (A/HRC/16/51), 22 декабря 2010 г., п. 28, где рассмотрены составляющие определения «терроризма», которое бы учитывало бы стандарты прав человека, и предложено типовое определение терроризма в качестве образца. Типовое определение Специального докладчика также соответствует резолюции 1566 (2004) Совета Безопасности.

носить костюмы или символы, пропагандирующие терроризм, в общественных местах; (3) Организация, руководство или участие в террористических организациях; (4) Предоставление информации, средств, материалов, трудовых услуг, технологий, мест и иной поддержки, помощи террористическим организациям, террористам, осуществление террористической деятельности или обучение террористической деятельности; (5) Другая террористическая деятельность» (неофициальный перевод).⁴²

19. Перечисленные действия в целом соответствуют деяниям, которые криминализованы Уголовным законом.⁴³ Однако, опять же, ряд перечисленных видов деятельности по-прежнему сформулирован в расплывчатых и/или субъективных терминах без дальнейшего разъяснения, что они могут в себя включать. Например, «нарушение общественного порядка и другой серьезный социальный вред».⁴⁴

20. Дальнейшие разъяснения по толкованию соответствующих положений были предоставлены в марте 2018 года в «Заключениях по некоторым вопросам применения законодательства при рассмотрении уголовных дел, связанных с терроризмом и экстремизмом», выпущенных совместно Верховным народным судом, Верховной народной прокуратурой, Министерством общественной безопасности и Министерством юстиции. В Заключении даны некоторые указания по толкованию и применению отдельных положений статьи 120 Уголовного закона, касающихся формирования, руководства или активного участия в террористической организации. Хотя Заключение полезно для дальнейшего определения некоторых видов деятельности, считающихся террористическими, оно, тем не менее, не разрешает все проблемы, включая, например, объем термина «экстремизм» в описании различных террористических преступлений, как обсуждается ниже.

21. Таким образом, существуют опасения, что закрепленные законодательно определения могут на практике применяться к актам законного протеста, инакомыслия и другим правозащитным действиям, и подлинная религиозная деятельность может подпадать под определение «терроризма» или «террористической деятельности», и, следовательно, в их отношении могут быть введены принудительные законодательные ограничения на деятельность, защищаемую международными правом в области прав человека.⁴⁵ Такие положения закона уязвимы для использования – преднамеренно или непреднамеренно – дискриминационным или иным произвольным образом против отдельных лиц или сообществ.

22. Положение по делам религии Синьцзяна (далее – «XRAR») вводит определение «религиозного экстремизма»:

«искажение религиозных учений и пропаганда экстремизма, а также других крайностей мысли, речи и поведения, таких как пропаганда насилия, социальной ненависти и антигуманности».⁴⁶

Таким образом, XRAR запрещает «экстремистские... идеи», «мысли», «деятельность», «одежду», «символы», «знаки» и «содержание», но не дает ясности относительно того, что представляют собой эти элементы, например, чтобы представить их как «экстремистские».

23. Постановление СУАР о дезэкстремизации (далее – «ПДД») определяет «экстремизм» как «намерения и действия, использующие искажение религиозных учений или другие средства для разжигания ненависти или дискриминации и пропаганды насилия», а «экстремизацию» – как «высказывания и действия под влиянием экстремизма, распространяющие радикальную религиозную идеологию, отвергающие и препятствующие нормальному производству и жизнеобеспечению».⁴⁷

⁴² Статья 3, СТЛ. См. также статью 6 ХИМ.

⁴³ Статья 120 и последующие, УК.

⁴⁴ См. также статью 6 ХИМ, которая сформулирована аналогичным образом.

⁴⁵ Письмо группы Специальных докладчиков Совета ООН по правам человека, адресованное Китаю, OL CHN 18/2019, стр. 4–5, 1 ноября 2019 года.

⁴⁶ Статья 65 XRAR (неофициальный перевод).

⁴⁷ Статья 3 XRD (неофициальный перевод).

Это постановление также содержит открытый список «основных проявлений экстремизации», все из которых должны быть запрещены, включая «вмешательство в нормальную культурную и развлекательную деятельность, отказ от общественных благ и услуг, таких как радио и телевидение», «распространение религиозного фанатизма через неправильную бороду или выбор имени», а также «намеренное вмешательство или подрыв реализации политики планирования семьи». ⁴⁸ В этом отношении примечательно, что китайское законодательство и политика постоянно ссылаются на «экстремизм» в целом, без критического квалифицирующего прилагательного «насильственный», как к этому вопросу подходят документы ООН. ⁴⁹

24. Таким образом, юридические тексты, вероятно, смешивают с «экстремизмом» то, что можно было бы истолковать как личный выбор в отношении религиозной практики. ⁵⁰ А «экстремизацию» – с явлением терроризма, ⁵¹ значительно расширяя диапазон действий, которые могут преследоваться в рамках антитеррористических действий. Такое смешение из-за применения широко сформулированных или расплывчатых определений создает определенные проблемы для криминализации в китайском уголовном законодательстве, например, «пропаганды терроризма и экстремизма посредством книг, аудио- и видеоматериалов» ⁵² или «владения книгами, аудио- и видеоматериалами или другими вещами, несмотря на осознание того, что они порождают, распространяют и проповедают терроризм или экстремизм». ⁵³ Из-за весьма субъективных представлений о том, что определяет или представляет собой «экстремизм», Специальный докладчик ООН по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом заявил, что

«этот термин ... не имеет силы для обязательных международных правовых норм и, когда он действует как уголовно-правовая категория, он несовместим с принципом правовой определенности; поэтому оно само по себе несовместимо с осуществлением некоторых фундаментальных прав человека.» ⁵⁴

В. Методология для выявления подозреваемых в «экстремизме» и лиц, «подвергающихся риску» «экстремизации»

25. Как уже упоминалось, Постановление СУАР о деэкстремизации 2017 года («ПРД») включает в себя список из 15 «основных проявлений экстремизации», описываемых как «слова и действия под влиянием экстремизма», которые должны быть запрещены. ⁵⁵ Этот список, возможно, был попыткой стандартизировать и систематизировать ряд подобных списков, появившихся в различных населенных пунктах СУАР, в первую очередь список из 75 признаков религиозного экстремизма, который, как сообщается, местные власти и управления полиции начали распространять в декабре 2014 года. ⁵⁶ Эти списки «признаков» и «основных проявлений» религиозного экстремизма включают поведение, которое не противоречит практической реализации основных свобод и само по себе не связано с насилием или потенциальными насильственными действиями. Примеры включают

⁴⁸ Статья 9 (5, 8, 14) XRD (неофициальный перевод).

⁴⁹ Например, План действий ООН по предотвращению насильственного экстремизма (A/70/674).

⁵⁰ Это очевидно, например, в статье 4 XRD, в которой говорится, что цель «деэкстремизации» состоит в том, чтобы «сделать религию более китайской» и «направить религии, чтобы они стали совместимыми с социалистическим обществом» (неофициальный перевод).

⁵¹ Это видно, например, в статье 4 STL, описывающей «экстремизм» как идеологическую основу терроризма. См. также Белую книгу «Борьба с терроризмом и экстремизмом и защита прав человека в Синьцзяне», март 2019 года.

⁵² Статья 120с УК (неофициальный перевод).

⁵³ Статья 120f УК (неофициальный перевод).

⁵⁴ См. «Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом» (A/HRC/43/46), 21 февраля 2020 г., п. 14.

⁵⁵ Статья 9 XRD (неофициальный перевод).

⁵⁶ Например, Sina news, «Местные власти Синьцзяна организуют людей для выявления 75 религиозных крайностей» (неофициальный перевод), 24 декабря 2014 г., доступно по адресу <http://news.sina.com.cn/c/2014-12-24/093231321497.shtml>.

«отказ от радио и телевидения»;⁵⁷ быть «мужчиной молодого и среднего возраста и носить большую бороду»;⁵⁸ «внезапно бросить пить и курить и не общаться с теми, кто пьет и курит»;⁵⁹ и «сопротивление обычным культурным и спортивным мероприятиям, таким как футбольные матчи и конкурсы песни»;⁶⁰ среди других.

26. Признаком «экстремизма» также считаются связанные с выражением мнения различные формы поведения, которые в нормативных актах также закреплены в широких формулировках. К ним относятся, например, «сопротивление текущей политике и правилам»;⁶¹ «использование текстовых сообщений мобильного телефона, WeChat и другого программного обеспечения для социальных чатов для обмена опытом обучения, чтения незаконных материалов религиозной пропаганды»;⁶² «ношение с собой незаконных политических и религиозных книг и аудиовизуальной продукции или ознакомление с ними по месту жительства»;⁶³ или «использование спутниковых приемников, Интернета, радио и другого оборудования для незаконного прослушивания, просмотра и распространения зарубежных религиозных радио- и телепрограмм»;⁶⁴ «сопротивление правительственной пропаганде» и «отказ смотреть нормальные фильмы и телеканалы».⁶⁵

27. Кроме того, в списки включены нарушения других законов и политик, например, политики планирования семьи.⁶⁶ Это означает, что лицо, нарушающее другой закон или политику, не только подвергается санкциям, предусмотренным этим законом за его собственное нарушение, но также может подпадать под категорию того, что считается «экстремистским» с вытекающими дополнительными последствиями в виде уголовного наказания и/или «перевоспитания», как это обсуждается ниже.

28. Эти списки индикаторов для выявления лиц, которые могут быть «подвергнуты риску» «экстремизма» или терроризма, судя по всему, основаны на элементах, которые не обязательно служат фактическими и материальными проявлениями того, что человек участвовал в насильственных экстремистских или террористических действиях или что существует риск такого участия. Наоборот, представляется, что они основаны на упрощенной ассоциации с «терроризмом» или «экстремизмом», тогда как многие из этих индикаторов, взятые по отдельности (и даже в совокупности), могут быть просто проявлением личного выбора в исламской религиозной практике и/или законным выражением мнения. Использование методологий, основанных на таких субъективных или поверхностных «факторах риска» и слишком подчеркивающих элементы того, что можно было бы считать законной религиозной практикой, культурными предпочтениями или вопросом личного выбора, рискует создать широкую сеть людей (которые не имеют никакой связи с насильственным экстремизмом или терроризмом), подпадающих под действие этих законов и политики, привести к непредсказуемым результатам и потенциально произвольному применению.⁶⁷ Наложение принудительных санкций на основе индикаторов, охватывающих поведение, которое может быть приравнено к законному осуществлению права на свободу религии, несет в себе серьезный риск

⁵⁷ Статья 9.5 XRD (неофициальный перевод).

⁵⁸ Признак 9 в списке 75 признаков религиозного экстремизма (неофициальный перевод). См. также статью 9.8 XRD, касающуюся «неправильных бород».

⁵⁹ Признак 10 в списке 75 признаков религиозного экстремизма (неофициальный перевод).

⁶⁰ Признак 15 в списке 75 признаков религиозного экстремизма (неофициальный перевод).

⁶¹ Признак 2 в списке 75 признаков религиозного экстремизма (неофициальный перевод).

⁶² Признак 39 в списке 75 признаков религиозного экстремизма (неофициальный перевод).

⁶³ Признак 40 в списке 75 признаков религиозного экстремизма (неофициальный перевод).

⁶⁴ Признак 41 в списке 75 признаков религиозного экстремизма (неофициальный перевод).

⁶⁵ Признак 43 в списке 75 признаков религиозного экстремизма (неофициальный перевод).

⁶⁶ Статья 9.14 XRD

⁶⁷ Специальный докладчик ООН по вопросам поощрения и защиты прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом подчеркнул недостатки моделей риска, которые запятнаны предрассудками или невежеством, порождают непредсказуемость в контролируемых сообществах, открывают административный произвол и лишены судебного надзора. См. «Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом» (A/HRC/43/46), 21 февраля 2020 г., п. 17.

дискриминационного применения законодательства и использования его в качестве инструмента профилирования отдельных лиц, прежде всего на основании их этно-религиозной идентичности и отдельных ее проявлений.

С. Масштаб и характер мер реагирования на предполагаемое «террористическое» или «экстремистское» поведение

29. В своей Белой книге «Профессиональное образование и обучение в Синьцзяне» от августа 2019 года правительство объяснило, что его система нацелена на сбалансированное применение: суровое наказание за серьезные деяния и сострадание, снисходительность, обучение и реабилитация в случае незначительных нарушений. В рамках этой системы приговоры и наказания за серьезные деяния выносятся уголовными судами, тогда как более «мелкие» дела рассматриваются в рамках административного производства. Это административное производство включает в себя так называемые «Центры профессионального образования и обучения» (учреждения ЦПОО),⁶⁸ которые представляют собой учреждения, куда люди могут быть помещены для «дерадикализации» и «перевоспитания». Существенное различие между «серьезным» и «незначительным» террористическим и/или «экстремистским» деянием, остается неясным, поскольку одни и те же типы поведения часто включаются в обе эти правовые категории. Для населения это создает дополнительный уровень неопределенности относительно того, какие дела должны (или могут быть) решены в судебном порядке, а какие будут (или могут) рассматриваться в административном порядке. При этом дифференциация категорий дел по оценке «тяжести» сама по себе основана на неопределенных критериях (таких как «обстоятельства незначительны»,⁶⁹ человек «представляет реальную опасность, но еще не вызвал реальных последствий»,⁷⁰ «субъективная злоба человека не глубока, и он может искренне раскаяться»,⁷¹ или человек «все еще [представляет] угрозу обществу»⁷²). Эти широко сформулированные критерии создают значительные возможности для произвольного, непоследовательного и субъективного применения закона. Таким образом, одно и то же действие может легко привести к совершенно различным и непредсказуемым правовым последствиям.

30. Более того, согласно закону, каждый государственный орган на каждом этапе уголовного или административного процесса (будь то полиция, прокурор, судья или сотрудник правоохранительных органов) может принять решение о том, что «образование» считается оправданным и может отдать распоряжение на перевод человека в учреждение ЦПОО. Таким образом, помещение в такое учреждение становится вероятным последствием от совершения любого вида деяния, которое может быть истолковано как «терроризм» или «экстремизм», независимо от того, подвергается ли лицо уголовному преследованию. Существуют также опасения, что закон не обеспечивает достаточную правовую определенность в отношении основных элементов самой системы «образования и трансформации», таких как допустимая продолжительность таких программ проживания в учреждениях ЦПОО, критерии или процедуры, в соответствии с которыми лица являются или могут считаться соответствующим образом «образованными» и, следовательно, подлежащими освобождению.

⁶⁸ УВКПЧ осведомлено об исследованиях различных форм учреждений в СУАР. Однако для целей этого доклада УВКПЧ называет учреждения ЦПОО (Центр профессионального образования и обучения / VETC) в целом как учреждения, обеспечивающие «дерадикализационное» образование и обучение, согласно Белой книге правительства от августа 2019 г. «Профессиональное образование и обучение в Синьцзяне».

⁶⁹ Статья 38 XIM (после поправки 2018 г.) (неофициальный перевод).

⁷⁰ Статья 39 XIM (после поправки 2018 г.) (неофициальный перевод).

⁷¹ Статья 39 XIM (после поправки 2018 г.) (неофициальный перевод).

⁷² Статья 42 XIM (после поправки 2018 г.) (неофициальный перевод).

D. Широта превентивных, следственных и репрессивных полномочий, а также контроль и правовые средства защиты

31. Согласно действующему законодательству, органы общественной безопасности и исполнительная власть в целом наделены широкими полномочиями по предотвращению, расследованию и реагированию на террористические и «экстремистские» действия.⁷³ Например, Закон о борьбе с терроризмом («CTL») и «Меры по осуществлению в Синьцзяне» («XIM») разрешают органам общественной безопасности применять «технологические следственные меры», а также собирать и хранить данные, касающиеся многочисленных аспектов жизни людей, включая личные данные и биометрические данные.⁷⁴ Уголовно-процессуальный закон («CPL») разрешает правоохранительным органам использовать специальные методы расследования, включая электронное наблюдение,⁷⁵ в то время как CTL разрешает применять к подозреваемым ряд ограничительных мер, в том числе приказы не покидать город, не пользоваться общественным транспортом, не общаться с определенными лицами, приказы сдать паспорта или периодически отмечаться у властей.⁷⁶ Согласно закону, другие организации также должны сотрудничать с властями. Например, телекоммуникационные и интернет-провайдеры должны внедрить системы мониторинга информационного контента и предоставлять сотрудникам органов общественной безопасности дешифрованный контент и другую техническую поддержку.⁷⁷ А местные органы власти обязаны использовать технические средства наряду с другими мерами для предотвращения распространения терроризма и «экстремизма»⁷⁸ и обеспечить, чтобы «общественные места города по мере необходимости» были оснащены «информационными системами видеозаписи для общественной безопасности».⁷⁹

32. Эти конкретные полномочия по борьбе с терроризмом дополняют общие полномочия органов общественной безопасности по взятию подозреваемых под стражу и предварительному заключению на длительные периоды в отсутствие независимого контроля, что противоречит международному праву и нормам в области прав человека. Например, согласно CPL, человек может быть задержан на срок до 37 дней до официального рассмотрения и принятия решения о необходимости ареста.⁸⁰

33. Что касается полномочий, предоставляемых CTL, статья 94 предусматривает наказание за превышение полномочий сотрудниками контртеррористических подразделений и за «иное поведение, нарушающее законы или дисциплину».⁸¹ Статья 62 XIM,⁸² в свою очередь, предусматривает, что сотрудники антитеррористических учреждений и соответствующих ведомств, которые «не выполняют свои обязанности по антитеррористической деятельности», могут быть подвергнуты выговорам и обучению, на них могут быть наложены административные санкции в случае серьезных нарушений, а в случае совершения преступления они могут быть привлечены к уголовной ответственности.⁸³ Статья 96 CTL также предусматривает,

⁷³ Например, статьи 17–67 CTL; статьи 16–37 XIM.

⁷⁴ Например, статьи 45, 50 CTL; статья 31 XIM (после поправки 2018 года).

⁷⁵ Статья 150 Закона о борьбе с терроризмом (CPL) (и последующие).

⁷⁶ Статья 53 CTL.

⁷⁷ Статьи 18–19 CTL.

⁷⁸ Статья 16 XIM (после поправки 2018 года).

⁷⁹ Статья 27 CTL.

⁸⁰ См. статьи 80, 82, 91 CPL. После своего визита в Китай в 2004 году Рабочая группа ООН по произвольным задержаниям отметила, что содержание человека под стражей в полиции более четырех-пяти дней является проблематичным с точки зрения международных требований по данному вопросу. Группа также установила, что требование о санкционировании ареста прокурором не соответствует международным нормам, поскольку оно не предполагает судебного контроля, а прокурор недостаточно независим, чтобы считаться осуществляющим судебную власть (как того требует ст. 9.3 МПГП). См. доклад Рабочей группы по произвольным задержаниям: Миссия в Китай, E/CN.4/2005/6/Add.4, 29 декабря 2004 г., п. 32.

⁸¹ Неофициальный перевод.

⁸² Редакция с поправками 2018 года.

⁸³ Неофициальный перевод.

что если «соответствующие подразделения или отдельные лица» не удовлетворены решением, предусмотренным СТЛ, о назначении административного наказания или мер административного принуждения, они могут подать заявление о пересмотре административного решения или возбудить административный судебный иск.⁸⁴

34. УВКПЧ не располагает информацией о частоте использования средств правовой защиты ни в абсолютном выражении, ни в процентном отношении к соответствующим случаям, а также информацией об их эффективности в прекращении нарушений прав человека и в обеспечении средств правовой защиты в случае их применения. Со своей стороны, сами применимые юридические тексты предполагают, что независимый судебный надзор за властями, осуществляющими полномочия, предоставленные им в соответствии с законами и политикой по борьбе с терроризмом и «экстремизмом», является лишь ограниченным, если таковой вообще существует, и это увеличивает риск дискриминационного или произвольного применения. Широкие и далеко идущие юридические полномочия, предоставленные властям в соответствии с китайским законодательством, требуют комплексного и прозрачного регулирования в соответствии с принципами законности, необходимости, соразмерности и подотчетности⁸⁵ для того, чтобы обеспечивать соблюдение прав человека и основных свобод, в частности, права на неприкосновенность частной жизни и свободу передвижения, выражения мнений и религии.

35. Таким образом, китайская «антитеррористическая правовая система»⁸⁶ основана на расплывчатых и широких определениях, которые предоставляют различным должностным лицам значительную свободу действий в их интерпретации и применении. Методы, изложенные в рамках этой системы для выявления и оценки проблемного поведения, являются упрощенными и незащищенными от субъективности и, похоже, не основаны на эмпирически полученных доказательствах, устанавливающих связь между индикаторами поведения, на которые полагаются, и терроризмом или насильственным экстремизмом. Кроме того, правовые последствия такого поведения непредсказуемы и отрегулированы ненадлежащим образом. Властям предоставлены широкие следственные, превентивные и репрессивные полномочия с ограниченными гарантиями для граждан и недостаточным независимым судебным контролем. По отдельности и в совокупности эти факторы вызывают серьезную обеспокоенность в отношении соответствия этой системы международному праву в области прав человека, ее уязвимости для произвольного и дискриминационного применения. Она неоправданно ограничивает осуществление законных прав, потенциально подвергает людей произвольному задержанию и не позволяет обеспечить адекватные гарантии защиты от нарушений. При ассоциировании «экстремизма» с определенными религиозными и культурными практиками она также несет в себе риск ненужного, непропорционального и дискриминационного применения к соответствующим этническим и религиозным общинам.

IV. Тюремное заключение и другие формы лишения свободы

36. Как указывалось выше, правительство пояснило, что его система борьбы с терроризмом и «экстремизмом» основана на различии между «серьезными» действиями, которые требуют уголовного наказания, и «незначительными» делами, требующими снисхождения, образования и реабилитации. Последнее требует административного производства, в рамках которого лица обычно помещаются в так называемые «Центры профессионального образования и обучения» (учреждения ЦПОО).⁸⁷ Правительство утверждает, что учреждения ЦПОО закрыты с 2019 года.⁸⁸

⁸⁴ Похоже, что «Меры по осуществлению в СУАР» (ХИМ) не содержат аналогичного положения.

⁸⁵ См. также Другое письмо группы специальных докладчиков Совета по правам человека, адресованное Китаю, 1 ноября 2019 г., OL CHN 18/2019, стр. 11, 16-17.

⁸⁶ Информационное бюро Государственного совета КНР, Белая книга «Борьба с терроризмом и экстремизмом и защита прав человека в Синьцзяне», март 2019 г.

⁸⁷ Август 2019 г., Белая книга «Профессиональное образование и обучение в Синьцзяне».

⁸⁸ В Белой книге «Профессиональное образование и обучение в Синьцзяне», опубликованной в августе 2019 года, говорится, что «поскольку образование и обучение сыграли свою роль,

А. Направления в «Центры профессионального образования и обучения»

37. В октябре 2018 года, вскоре после того, как правительство впервые заявило о существовании «центров профессионального обучения», «Меры по осуществлению в Синьцзяне Закона КНР о борьбе с терроризмом» («ХИМ») и Постановление СУАР о деэкстремизации («ХРД») были пересмотрены с целью ясного включения положений, разрешающих создание таких центров.⁸⁹ В середине 2019 года, в ответ на запрос Комитета CERD, правительство сообщило, что оно создало «центры профессионального образования и обучения в соответствии с законом, чтобы искоренить питательную среду и условия для распространения терроризма и религиозного экстремизма».⁹⁰

38. Согласно Белой книге правительства 2019 года «Профессиональное образование и обучение в Синьцзяне» и соответствующим законодательным положениям, в таких центрах могут содержаться три категории лиц. К первой категории относятся лица, осужденные за террористические или «экстремистские» преступления и которые после отбытия наказания «расцениваются как все еще представляющие потенциальную угрозу для общества».⁹¹ Такие люди по закону направляются в учреждения ЦПОО по решению суда.⁹² Ко второй категории относятся «люди, которых подстрекали, принуждали или вовлекали в участие в террористической или экстремистской деятельности, или люди, которые участвовали в террористической или экстремистской деятельности при обстоятельствах, которые не были достаточно серьезными, чтобы имел место состав преступления».⁹³ Эти люди могут быть направлены в учреждения ЦПОО по решению полиции.⁹⁴ Третью категорию составляют «лица, которых подстрекали, принуждали или вовлекали в участие в террористической или экстремистской деятельности, либо люди, участвовавшие в террористической или экстремистской деятельности, представлявшей реальную опасность, но не причинившей реального вреда».⁹⁵ В этих случаях прокуратура может принять решение об отмене приговора при условии, что «субъективная злоба» преступника не глубока, он может искренне раскаяться и добровольно принять образование и помощь».⁹⁶

39. В той же Белой книге 2019 года правительство заявило, что «образование и обучение [в учреждениях ЦПОО] не является мерой, ограничивающей или налагающей ограничения на свободу человека», а в своем ответе Комитету CERD оно

большинство стажеров достигли требуемых стандартов и окончили обучение» и что «многие из стажеров» продолжили поиск работы на фабриках или предприятиях». В декабре 2019 года Шохрат Закир, председатель регионального правительства СУАР, выступая на пресс-конференции в Пекине, заявил, что стажеры в центрах профессионального обучения в СУАР «все закончили обучение», см. Синьхуа: «Все стажеры Синьцзянской программы образования и обучения закончили обучение: официальная информация», 9 декабря 2019 г.

⁸⁹ Статьи 38-39, 44 ХИМ (в редакции 2018 года); Статья 17 ХРД (после изменений 2018 года).

⁹⁰ Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации, Информация, полученная от Китая о последующих мерах по выполнению заключительных замечаний по его объединенным Четырнадцатому-Семнадцатому периодическим докладам, 9 октября 2019 г., CERD/C/CHN/FCO/14-17, стр. 2.

⁹¹ Цитата из Белой книги 2019 года «Профессиональное образование и обучение в Синьцзяне» (оригинал документа на английском языке).

⁹² Статья 30 СТЛ; статья 42 ХИМ (после поправки 2018 года).

⁹³ Цитата из Белой книги 2019 года «Профессиональное образование и обучение в Синьцзяне» (оригинал документа на английском языке).

⁹⁴ Статья 38 ХИМ (после поправки 2018 года).

⁹⁵ Цитата из Белой книги 2019 года «Профессиональное образование и обучение в Синьцзяне» (оригинал документа на английском языке).

⁹⁶ Статья 39 ХИМ (после поправки 2018 г.) (неофициальный перевод). В «Белой книге» на английском языке говорится о лицах, «чья субъективная виновность не была глубокой, которые признали свои правонарушения и раскаивались в своих прошлых действиях и, таким образом, не нуждаются в приговоре или могут быть освобождены от наказания, и которые продемонстрировали готовность пройти обучение».

заявило, что учреждения ЦПОО – это «школы по своей природе».⁹⁷ Однако согласно международному праву в области прав человека лишение свободы происходит, когда человек «содержится под стражей без его или ее свободного согласия»,⁹⁸ предполагающее «более серьезное ограничение передвижения в более тесном пространстве, чем простое вмешательство в свободу передвижения».⁹⁹ Лишение свободы по смыслу международного права в области прав человека может произойти в любом месте и не требует официального обозначения как такового.

40. В Белой книге 2019 года «Профессиональное образование и обучение в Синьцзяне» говорится, что центры являются «учреждениями, «в которых люди проживают», и что направление осуществляется по решению суда или сотрудников органов общественной безопасности, а не является добровольным. Это относится даже к направлениям через прокуратуру, где соответствующему лицу предоставляется «выбор» между направлением в учреждение ЦПОО и тюремным заключением, что подразумевает, что помещение в учреждение ЦПОО является формой санкции, альтернативной тюремному заключению.

41. Лица, которые были помещены в учреждения ЦПОО, были опрошены УВКПЧ и рассказали, что их доставляли в такие учреждения, как правило, сотрудники органов общественной безопасности. Большинство опрошенных, задержанных в период с 2017 по 2019 год, содержались под стражей в полицейском участке до направления в учреждение ЦПОО.¹⁰⁰ Они рассказали, что им было сказано, что они должны быть помещены в учреждение ЦПОО и им не предоставили альтернативного варианта. Ни один из опрошенных не чувствовал, что может оспорить процесс направления, и никто не имел доступа к адвокату ни до отправки в учреждение ЦПОО, ни в какой-либо момент времени, пока они там находились. Некоторые из них подверглись длительным допросам в полицейских участках перед тем, как их в конце концов поместили в ЦПОО.

42. Ни один из опрошенных не сообщил, что у них была возможность покинуть учреждение или съездить домой. В учреждениях ЦПОО все опрошенные фиксировали значительное присутствие охраны и охранников, вооруженных огнестрельным оружием и/или дубинками (в том числе электрическими), и в основном одетых в полицейскую форму.¹⁰¹ Продолжительность пребывания в учреждениях ЦПОО была различной, но, как правило, опрошенные провели в этих учреждениях от двух до 18 месяцев. Никто из них не был проинформирован о продолжительности пребывания, когда их доставили в учреждение. Около половины опрошенных сообщили, что им разрешали время от времени свидания или телефонные звонки с родственниками, но только под пристальным наблюдением.¹⁰² Другая половина не имела никаких контактов со своей семьей, и зачастую их семьи не знали, где они находятся.¹⁰³

43. Средства массовой информации, связанные с правительством Китая, регулярно распространяют рекламные видеоролики об учреждениях ЦПОО. В этих видеороликах люди либо приветствовали свое нахождение в ЦПОО, либо говорили, что оно помогло

⁹⁷ Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации, Информация, полученная от Китая о последующих мерах по выполнению заключительных замечаний по его объединенным четырнадцатому-семнадцатому периодическим докладам, 9 октября 2019 г., CERD/C/CHN/FCO/14-17, стр. 3-4.

⁹⁸ Доклад Рабочей группы ООН по произвольным задержаниям, п. 51, 19 июля 2017 г., A/HRC/36/37.

⁹⁹ Комитет ООН по правам человека, Замечание общего порядка № 35, п. 5, 16 декабря 2014 г., CCPR/C/GC/35.

¹⁰⁰ Интервью УВКПЧ. Опрошенные часто использовали термин «лагеря» для описания этих учреждений. Хотя УВКПЧ уверен, что большинство из этих учреждений, по описаниям опрошенных, на самом деле являлись ЦПОО, возможно, что некоторые из них на самом деле были следственными изоляторами.

¹⁰¹ Интервью УВКПЧ. См. также «Досье полиции Синьцзяна», в которых содержатся различные изображения вооруженной охраны в учреждениях ЦПОО. См. «Досье полиции Синьцзяна», Мемориальный фонд жертв коммунизма, май 2022 г. (далее – «Досье полиции Синьцзяна»).

¹⁰² Интервью УВКПЧ.

¹⁰³ Интервью УВКПЧ.

им не втянуться в терроризм или «экстремизм».¹⁰⁴ Опрошенные УВКПЧ, напротив, рассказали, что охранники прямо сказали им, чтобы они положительно относились к своему опыту пребывания в учреждении, когда его посещали посторонние или члены семьи.¹⁰⁵ Один из опрошенных, например, сообщил, что перед визитом иностранной делегации им приказали говорить, что «все в порядке», что они могут возвращаться домой каждый вечер, что они учатся и что еда приемлемая.¹⁰⁶ Более того, некоторые опрошенные сообщили, что им было прямо запрещено раскрывать любую информацию об учреждении после их освобождения, а некоторым пришлось подписать соответствующий документ.¹⁰⁷

44. Правительство заявило, что «участники могут свободно присоединиться к программе или выйти из нее в любое время».¹⁰⁸ Однако последовательные отчеты, полученные УВКПЧ, указывают на отсутствие свободного и осознанного согласия на помещение в центры; на то, что лицо, содержащееся в таком строго охраняемом центре, не может покинуть его по собственному желанию; и на то, что пребывание в учреждении ЦПОО имеет, с точки зрения соответствующего лица, неопределенную длительность, и его окончание зависит только от решения властями, которое принимается на основе неопределенных критериев. Таким образом, учитывая, что помещение в учреждения ЦПОО не является добровольным и у лиц, помещенных в такие центры, видимо, не было выбора, помещение в учреждения ЦПОО представляет собой форму лишения свободы.¹⁰⁹

45. Международное право в области прав человека требует, чтобы лишение свободы не было произвольным. Запрет на произвольное задержание, закрепленный в статьях 9 Всеобщей декларации прав человека и Международного пакта о гражданских и политических правах, является одновременно нормой обычного международного права и императивной нормой международного права.¹¹⁰ Как разъяснил в авторитетном руководстве Комитет ООН по правам человека, наблюдающий за исполнением Международного пакта о гражданских и политических правах, понятие «произвольность» не следует приравнивать к понятию «против закона»: арест или задержание могут быть разрешены внутренним законодательством и, тем не менее, оставаться произвольными, когда присутствуют элементы необоснованности, несправедливости, отсутствия предсказуемости и гарантий справедливого разбирательства, а также в случае отсутствия оснований, необходимости и соразмерности.¹¹¹ Аналогичным образом, Рабочая группа ООН по произвольным задержаниям, которая рассматривает индивидуальные обращения на

¹⁰⁴ См., например: «Чем занимаются стажеры в центрах профессионального образования и обучения Синьцзяна?»; и «Только жители Запада ненавидят изменения, произошедшие после открытия центров профессионального образования и обучения в Синьцзяне» (доступно на YouTube).

¹⁰⁵ Интервью УВКПЧ.

¹⁰⁶ Интервью УВКПЧ.

¹⁰⁷ Интервью УВКПЧ. Это также согласуется с «Телеграммой», которая призывает сотрудников, работающих в учреждениях ЦПОО, соблюдать «строгую секретность». См. «Китайские телеграммы»: «Телеграмма», п. 25, опубликовано Международным консорциумом журналистов-расследователей 24 ноября 2019 г. (далее «Китайские телеграммы»).

¹⁰⁸ Новости Синьхуа, «Все стажеры Синьцзянской программы образования и обучения закончили обучение: официальная информация», 9 декабря 2019 г.

¹⁰⁹ См. также недавнее мнение Рабочей группы ООН по произвольным задержаниям, А/НRC/WGAD/2022/6, 23 мая 2022 г., пп. 28 и 29, в которых она напоминает, что «центры перевоспитания» являются местами лишения свободы. Это также в некоторой степени согласуется с «Телеграммой» из «Китайских телеграмм», в которой описывается функционирование объектов ЦПОО и указывается, что «полицейским строго запрещено входить в студенческую зону с оружием, и они никогда не должны допускать побегов». См. также «Досье полиции Синьцзяна», внутренние директивы, «План реагирования на инциденты в случае побегов во время занятий на открытом воздухе», который, как сообщается, допускает указания «стрелять на поражение» в случае побегов.

¹¹⁰ Доклад Рабочей группы ООН по произвольным задержаниям, А/НRC/22/44 (24 декабря 2012 г.), п. 79.

¹¹¹ Комитет ООН по правам человека, Замечание общего порядка № 35 – Статья 9 (Свобода и личная неприкосновенность), ССРP/C/GC/35 (16 декабря 2014 г.), п. 12.

произвольное задержание в государствах-членах, со своей стороны, считает лишение свободы произвольным, когда явно невозможно сослаться на какое-либо правовое основание, оправдывающее лишение свободы, включая случаи лишения свободы при отсутствии каких-либо законодательных положений, а также в случаях грубого несоблюдения международных норм, касающихся права на справедливое судебное разбирательство.¹¹² Последнее включает право быть информированным о своих правах и причинах ареста, а также иметь доступ к адвокатам и членам семьи.¹¹³ Согласно международному праву в области прав человека, задержание также является произвольным, когда оно используется в ответ на законное осуществление прав человека, таких как право на свободу мнений или их свободное выражение, свободу покинуть свою страну, свободу религии и право меньшинств на свою культуру, на то, чтобы исповедовать свою религию или использовать свой язык.¹¹⁴

46. С этой точки зрения некоторые ключевые параметры системы ЦПОО вызывают беспокойство. Во-первых, лишение свободы в учреждениях с постоянным проживанием не имело какой-либо видимой правовой основы, судя по всему, в течение значительного периода времени. В октябре 2018 года в Меры по осуществлению в Синьцзяне Закона КНР о борьбе с терроризмом («ХИМ») и в Постановление СУАР о деэкстремизации («ХРД») были внесены поправки, разрешающие создавать такие ЦПОО и направлять в них граждан для прохождения программ с постоянным проживанием.¹¹⁵ Но волна направлений в ЦПОО началась задолго до этого, в апреле 2017 года.¹¹⁶ Кроме того, как обсуждалось выше, ХИМ и ХРД содержат неконкретные и широкие определения, уязвимы для слишком широких толкований и, следовательно, могут применяться произвольно и дискриминационно.

47. Во-вторых, как описано выше, основания, по которым лица могут быть направлены и помещены в ЦПОО, включают поведение, которое *prima facie* является законным, в том числе как практическое выражение или проявление основных прав и свобод. Различные не несущие опасности причины для направления в ЦПОО описаны в так называемом «списке Каракса – документе, который находится в открытом доступе и, по всей видимости, является правительственным документом, возможно, датированным 2019 годом и с высокой вероятностью является подлинным. Этот список, состоящий из электронной таблицы с информацией об уйгурских «стажерах» в учреждениях ЦПОО в одном районе СУАР, включает 311 человек с указанием причин их направления. Среди причин — слишком много детей, статус «небезопасного человека», определенный год рождения, статус бывшего

¹¹² Рабочая группа ООН по произвольным задержаниям, Пересмотренный информационный бюллетень № 26, 8 февраля 2019 г., стр. 5-7.

¹¹³ См. статьи 10–11 ВДПЧ; статьи 9 и 14 МПГПП; Комитет ООН по правам человека, Замечание общего порядка № 32 – Статья 14: Право на равенство перед судами и трибуналами и на справедливое судебное разбирательство, ССРР/С/ГС/32, 23 августа 2007 г.; и Доклад Рабочей группы ООН по произвольным задержаниям – Основные принципы и руководящие указания Организации Объединенных Наций по средствам правовой защиты и процедурам в отношении права любого лица, лишённого свободы, возбуждать разбирательство в суде, А/НRC/30/37, 6 июля 2015 г.

¹¹⁴ Рабочая группа ООН по произвольным задержаниям, Пересмотренный информационный бюллетень № 26, 8 февраля 2019 г., стр. 5-7.

¹¹⁵ За исключением категории осужденных преступников, которые считаются слишком опасными для освобождения, для которых такая программа была разрешена ранее (см. статью 30 СТЛ). Характер программ с проживанием в учреждениях очевиден, например, в статье 45 ХИМ (редакция 2018 года), в которой соответствующим ведомствам поручено осуществлять образовательную деятельность, «чтобы создать условия для того, чтобы лица, получающие образование и подготовку, вернулись в общество и в свои семьи» (неофициальный перевод).

¹¹⁶ Некоторые эксперты также утверждают, что правовая основа, созданная в октябре 2018 года, неадекватна самому китайскому законодательству. По их мнению, согласно действующему китайскому законодательству право лишить человека свободы должно быть санкционировано законами, принятыми Всекитайским собранием народных представителей или его Постоянным комитетом (статья 7 Закона о законодательстве), и что в 2018 году были внесены изменения в законы, которые не отвечают этому внутреннему требованию. См., например, Дж. Даум, Объяснение правил Синьцзяна, 11 октября 2018 года. (<https://www.chinalawtranslate.com/en/explainer-on-xinjiang-regulation/>).

заклоченного, ношение чадры или наличие бороды, подача заявления на получение паспорта без последующего выезда из страны и так далее.¹¹⁷ Об аналогичных причинах направления в центры ЦПОО сообщили бывшие задержанные, которые рассказали УВКПЧ, что их поместили в центры: из-за поездок или наличия связей с иностранцами, попыток аннулировать свое китайское гражданство, наличия двойной регистрации в соседней стране или загрузки WhatsApp. Другим просто сказали, что они в списке или что нужно выполнить квоту. Из-за субъективного подхода риск произвольного задержания лиц в учреждениях ЦПОО остается высоким.

48. В-третьих, помещение в учреждения ЦПОО, по всей видимости, не соответствует какой-либо процедуре, необходимой при любом задержании, что фактически лишает соответствующих лиц гарантий и защиты, которые в соответствии с международным правом должны сопровождать задержание. Судя по всему, задержанные не имеют доступа к адвокату и информации о сроках их содержания или критериях освобождения, которые, в свою очередь, не прописаны в законе. Лица, с которыми беседовали УВКПЧ, описали какую-то форму процесса, часто незадолго до их освобождения, в ходе которого их «информировали» об их правонарушениях, о снисходительности властей к их делу и о приговоре к тюремному заключению, который впоследствии, по-видимому, был отменен (о чем свидетельствует их освобождение). Эти отчеты согласуются и соответствуют другим указаниям на то, что примерно в октябре 2018 года была сделана попытка задним числом «урегулировать» статус людей в учреждениях ЦПОО. Как объяснялось выше, 9 октября 2018 года в законы СУАР были внесены поправки, прямо разрешающие создание и использование учреждений ЦПОО.¹¹⁸ В видеоролике, опубликованном 16 октября 2018 года,¹¹⁹ правительство также упомянуло о правиле «дважды проинформировать и один раз объявить», квази-правовой процедуре, в ходе которой власти информируют человека и его семью о характере их участия в террористической деятельности, а затем — о характере их участия в «экстремистской» деятельности, и после этого объявляют о политике правительства по проявлению снисходительности в соответствии с законом.¹²⁰ Один из опрошенных описал свой опыт следующим образом: «Мне не сказали, за что я туда попал и на какой срок. Меня попросили признаться в преступлении, но я не знал, в чем мне нужно признаваться».¹²¹

49. Ряд опрошенных рассказали, что в учреждении ЦПОО им «выносили приговоры»,¹²² а некоторые рассказали, что их приводили в «суд» группами.¹²³ На этих заседаниях не присутствовали адвокаты, а опрошенные лица сообщили, что от них требовали «выбирать» правонарушения из списка, состоящего примерно из 75 или 72 «преступлений».¹²⁴ Подобные разбирательства — во многих случаях происходящие после нескольких месяцев содержания под стражей — позволяют предположить, что уголовный и административный процессы по рассмотрению дел об «экстремизме» и «терроризме» на практике часто переплетаются, причем уголовные разбирательства, очевидно, используются для того, чтобы заставить людей согласиться с направлением в учреждение ЦПОО и тем самым задним числом оправдать такое направление или

¹¹⁷ См. «Список Каракса», опубликованный различными СМИ, февраль 2020 года. Еще один такой список содержится в «Досье полиции Синьцзяна», где упоминаются аналогичные причины задержания.

¹¹⁸ Статьи 38-39, 44 XIM (в редакции 2018 года); Статья 17 XRD (после изменений 2018 года).

¹¹⁹ Интервью продолжительностью 3,27 минуты доступно по адресу <http://tv.cctv.com/2018/10/16/VIDEVr9aq34SsDMrB6IRGnh181016.shtml>.

¹²⁰ Такие заседания могут быть отражением политики, введенной с пересмотром закона в октябре 2018 года, согласно которому прокуратура может принять решение проявить снисходительность и отказаться от уголовного наказания в обмен на признание, раскаяние и согласие на помещение в ЦПОО (статьи 38-46 XIM после поправки 2018 года). Это также совпадает с внесением в октябре 2018 года поправки в Уголовно-процессуальный закон Китая, которая закрепила систему сделок о признании вины, согласно которой обвиняемый может признаться, раскаяться и принять приговор (статья 15 CPL).

¹²¹ Интервью УВКПЧ.

¹²² Интервью УВКПЧ.

¹²³ Интервью УВКПЧ.

¹²⁴ Интервью УВКПЧ.

ограничить и контролировать людей после освобождения посредством постановления об условном освобождении, которое может быть и отозвано. По сути, сочетание этих процессов наделяет должностных лиц полномочиями чрезвычайной широты, позволяющими подвергать людей лишению свободы и возвращать их в места лишения свободы после освобождения.

50. В-четвертых, характер и функциональное назначение образовательных программ в учреждениях ЦПОО также вызывают беспокойство, учитывая их ориентацию на политическое перевоспитание. В ХИМ заявляет, что целью ЦПОО является обучение и реабилитация людей, подвергшихся влиянию «экстремизма», в том числе в «центрах профессионального образования и обучения и других учреждениях образования и трансформации».¹²⁵ В правительственной Белой книге «Профессиональное образование и обучение в Синьцзяне» говорится, что ЦПОО «предоставляют учебную программу, которая включает стандартный устный и письменный китайский язык, понимание законов, профессиональные навыки и дерадикализацию». При оценке ситуации в Китае на соответствие Конвенции о дискриминации в сфере труда и занятий 1958 года (№ 111) и Конвенции о политике занятости 1964 года (№ 122), Комитет экспертов МОТ по обеспечению соблюдения и применению стандартов выразил беспокойство тем, что политика профессионального обучения «по крайней мере частично осуществлялась в условиях строгого режима и строгого наблюдения»¹²⁶ и просил правительство переориентировать мандат центров профессионального обучения и образования «от политического перевоспитания, основанного на административном задержании, к более широким целям Конвенции», а именно к полной, продуктивной и свободно выбранной занятости.¹²⁷ УВКПЧ запросило, но не получило от правительства Китая, информацию об учебной программе и системе аттестации в центрах. Однако сообщения из первых рук, полученные в УВКПЧ, показали сильный упор на «политические учения» и реабилитацию, основанную на самокритике.¹²⁸ Такие принудительные административные меры¹²⁹ считаются «по своей сути произвольными» Рабочей группой ООН по произвольным задержаниям.¹³⁰

51. Наконец, учитывая, что критерии направления в учреждения ЦПОО в значительной степени основаны на этнической, религиозной и культурной принадлежности и самовыражения, существует серьезная обеспокоенность тем, что лишение свободы в учреждениях ЦПОО применяется дискриминационно, и это усугубляет произвольный характер содержания под стражей в центрах.¹³¹

52. Правительство не опубликовало официальных данных о количестве лиц, прошедших перевоспитание в ЦПОО. В 2018 году Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации отметил, что «оценки числа задержанных людей варьируются от десятков тысяч до более миллиона», и призвал правительство предоставить статистические данные за последние пять лет.¹³² В ответ правительство заявило, что невозможно указать количество тех, кто проходит обучение, поскольку оно

¹²⁵ Статьи 38 и 39 ХИМ (после поправки 2018 г.) (неофициальный перевод).

¹²⁶ Доклад III от 2022 года «Применение международных трудовых норм» (Часть А), Доклад Комитета экспертов по применению конвенций и рекомендаций, 110-я сессия Международной конференции труда, 2022 г., стр. 689.

¹²⁷ Там же, с. 520.

¹²⁸ Интервью УВКПЧ.

¹²⁹ См. пояснения в п. 29 (направление в ЦПОО является административной мерой) и п. 42 (направления являются принудительными).

¹³⁰ Доклад Рабочей группы по произвольным задержаниям, Вопрос о правах человека всех лиц, подвергнутых задержанию или тюремному заключению в любой форме (E/CN.4/1993/24), 12 января 1993 г., стр. 20.

¹³¹ См. доклад Рабочей группы ООН по произвольным задержаниям, A/HRC/36/37, 19 июля 2017 г., п. 48.

¹³² Заключительные замечания Комитета ООН по ликвидации расовой дискриминации по объединенным Четырнадцатому-Семнадцатому периодическим докладам Китая (включая Гонконг, Китай и Макао, Китай), CERD/C/CHN/CO/14-17, п. 40(a), 42(h), 19 сентября 2018 года.

«динамично, так как люди постоянно приходят и уходят»,¹³³ и с тех пор оно придерживается этой позиции.

53. Однако различные официальные правительственные документы и заявления дают представление о масштабах программы. В Белой книге 2019 года «Профессиональное обучение и образование в Синьцзяне» указано, что программа была предназначена не для отдельных случаев, но для «многих людей».¹³⁴ Более того, некоторые правительственные документы и заявления, датированные до 2017 года, раскрывают восприятие властями уровня «экстремистской» угрозы в СУАР и связанных с этим потребностей в «образовании», что в свою очередь позволяет сделать вывод об охвате значительной доли населения СУАР.¹³⁵ Кроме того, правительственные документы, которые находятся в открытом доступе и кажутся заслуживающими доверия, не только говорят о существовании учреждений ЦПОО на всей географической территории СУАР, но и указывают на наличие развитой бюрократии и систем регулирования ее работы.¹³⁶ Доступные спутниковые снимки из открытых источников также указывают на наличие многих сооружений с элементами безопасности, такими как высокие стены, сторожевые вышки и внешние и внутренние ограждения с колючей проволокой, которые, по-видимому, были установлены или расширены по всей территории СУАР с 2016 года, одновременно с кампанией «Сильный удар».¹³⁷

54. Лица, имеющие непосредственный опыт содержания в учреждениях ЦПОО, рассказали УВКПЧ, что их содержали вместе со многими другими людьми и они лично знали многих других родственников и друзей, помещенных в учреждения ЦПОО. Как рассказал один человек, «у каждого соседа был кто-то в лагерях или, как они это называют, «забрали на учебу».¹³⁸ Лица, опрошенные УВКПЧ, содержались в учреждениях ЦПОО как минимум в восьми различных географических точках по всей территории СУАР.

55. Из-за отсутствия официально доступной информации другие исследователи основывались на комбинации источников и разных данных для оценки масштабов пострадавшего населения. К таким источникам относятся документы, которые выглядят официальными, объявления о тендерах и спутниковые снимки, проливающие свет на масштабы содержания под стражей в учреждениях ЦПОО.¹³⁹ Некоторый анализ также основан на документах, которые, как представляется,

¹³³ Информация, полученная от Китая о выполнении Заключительных замечаний по его объединенным Четырнадцатому-Семнадцатому периодическим докладам, 9 октября 2019 г., CERD/C/CHN/FCO/14-17, стр. 3.

¹³⁴ В соответствующем отрывке из Белой книги говорится, что в СУАР «многие люди участвовали – или были подстрекаемы, принуждены или вовлекались – в террористическую и экстремистскую деятельность, но они не совершали серьезных преступлений и не причиняли реального вреда» (выделено автором).

¹³⁵ См., например, в начале 2015 года партийный секретарь Министерства юстиции СУАР Чжан Юнь рассказал китайскому новостному изданию Phoenix News, что в типичной деревне в СУАР 30 процентов людей, затронутых религиозным экстремизмом, нуждаются в «перевоспитании».

¹³⁶ См., например, «Синьцзянские документы», «Китайские телеграммы» и «Досье полиции Синьцзяна».

¹³⁷ См. Австралийский институт стратегической политики (ASPI) «The Xinjiang Data Project»; См. также: «Китай недавно построил обширную новую инфраструктуру для заключения мусульман в тюрьмы», BuzzFeed news, М. Раджагопалан, А. Киллингс, К. Бушек, 27 августа 2020 г. См. также «Отчет об учреждениях», База данных жертв Синьцзяна. Правительство оспорило подлинность изображений, показанных ASPI, см. Global Times, «Злонамеренная ложь антикитайского австралийского аналитического центра не может избежать правосудия: министр иностранных дел Китая», 15 октября 2020 г. См. также Global Times «Синьцзян предлагает фотографии реальных мест для разоблачения спутниковых изображений „доказательств“ существования „центров заключения“», 27 ноября 2020 г., и ответы ASPI, см. South China Morning Post, «Австралийский исследователь наносит ответный удар китайскому таблоиду по поводу отчета по Синьцзяну», 30 ноября 2020 г., и Н. Русер в Твиттере.

¹³⁸ Интервью УВКПЧ.

¹³⁹ См., например, исследование Ш. Чжана, <https://medium.com/@shawnwzhang> и «Места заключения в Синьцзян-Уйгурском автономном районе», База данных жертв в Синьцзяне.

содержат информацию о процессуальном статусе содержащихся в центрах из различных префектур и округов СУАР. На основе использованной методологии было подсчитано, что около 10–20 процентов взрослого «этнического населения» в этих округах и поселках подверглись той или иной форме задержания в период с 2017 по 2018 годы.¹⁴⁰

56. На основании имеющейся в настоящее время информации УВКПЧ не в состоянии подтвердить оценки общего числа лиц, затронутых системой ЦПОО. Однако в совокупности эти различные источники информации подтверждают вывод о том, что система учреждений ЦПОО была задумана и действовала в большом масштабе, географически целиком охватывая регион. В отсутствие правдоподобной информации, указывающей на обратное, а также при невозможности подтверждения конкретного количества задержанных в учреждениях ЦПОО, но на основании имеющейся информации можно сделать обоснованный вывод о том, что количество лиц в центрах ЦПОО, по крайней мере, в период с 2017 по 2019 год было очень большим и включало значительную часть уйгуров и представителей других преимущественно мусульманских меньшинств.

57. Таким образом, на основании изученной информации можно заключить, что в учреждениях ЦПОО имела место практика крупномасштабных произвольных задержаний, по крайней мере в течение 2017–2019 годов, затронувшая значительную часть уйгурских и других преимущественно мусульманских этнических меньшинств в СУАР. Правительство сообщило, что учреждения ЦПОО в настоящее время закрыты и что все «стажеры закончили обучение».¹⁴¹ тем самым подразумевая, что эти учреждения больше не используются. УВКПЧ не в состоянии это подтвердить, что связано прежде всего с отсутствием соответствующей официальной или иной информации с конца 2019 года и доступа на место для проверки. Несмотря на это, серьезные опасения сохраняются, особенно по причине того, что правовая и политическая база, лежащая в основе функционирования системы ЦПОО, остается в силе и может быть повторно задействована в любой момент.

В. Задержание в уголовно-процессуальном порядке

58. Наряду с массовым направлением лиц в учреждения ЦПОО, вероятно, в СУАР произошло заметное увеличение числа уголовных арестов, приговоров с вынесением длительных тюремных сроков.

59. Информация правительства указывает на увеличение количества уголовных дел в 2018 году на 25,1 процента по сравнению со средним показателем за предыдущие пять лет. Аналогичным образом, в 2019 году этот показатель был на 19,2 процента выше, чем в среднем за предыдущие пять лет.¹⁴² УВКПЧ отмечает, что в Китае в целом

¹⁴⁰ См. «Тщательное их перевоспитание в сторону здорового отношения» – Кампания политического перевоспитания Китая в Синьцзяне, А. Зенц, 15 мая 2018 г. См. «Промыть мозги, очистить сердца»: данные из документов правительства Китая о характере и масштабах кампании внесудебного интернирования в Синьцзяне, А. Зенц, *Journal of Political Risk*, Vol. 7, No. 11, ноябрь 2019 г., 24 ноября 2019 г. См. также: «Более 890 000 заключенных в уйгурских концентрационных лагерях», *Newsweek Japan*, 13 марта 2018 г. Согласно «Досье полиции Синьцзяна», внутренние таблицы из Конашехера содержат личную информацию около 286 000 человек (почти всё население округа в 2018 г.), что означает, что в 2018 году от 12,3 до 12,7 процентов взрослых жителей округа предположительно находились под стражей в той или иной форме.

¹⁴¹ См. выше, сноска 88.

¹⁴² По данным правительства, в 2018 году суды Синьцзяна приняли к производству 74 300 дел, что на 25,1 процента больше, чем в среднем за предыдущие пять лет. В 2019 году суды приняли 70 800 дел, что на 19,2 процента больше, чем в среднем за предыдущие пять лет. Эти цифры отличаются от тех, которые содержатся в отчетах прокуратуры Синьцзяна, по данным которой в 2018 году число уголовных дел составило 135 546. Правительство заявило, что в некоторых регионах СУАР наблюдались различные колебания количества уголовных дел. Например, в Аксуском регионе местные суды двух уровней региона, как сообщается, приняли 3202 дела в 2014 году и 5081 дело в 2015 году, что составляет рост на 58,7 процента. Сообщается, что в 2016 году количество случаев снизилось на 134,8 процента до 2164 дел.

уровень обвинительных приговоров по уголовным делам составляет 99,9%.¹⁴³ Правительство заявило, что во многих округах доля обвиняемых, представляющих этнические меньшинства, среди осужденных по уголовным делам ниже, чем доля этнических меньшинств в общей численности населения этого региона, не представив дезагрегированных данных о доле этнических меньшинств, осужденных за терроризм или преступления, связанные с государственной безопасностью.

60. Правительство заявило, что в период с 2013 по 2017 год суды СУАР рассмотрели 297 000 уголовных дел.¹⁴⁴ Судя по официальной статистике, рассмотрение большей части этих дел было окончено в 2017 году.¹⁴⁵ По информации правительства, количество задержанных в органах общественной безопасности СУАР выросло на 35 процентов в 2017 году и примерно на восемь процентов в 2018 году по сравнению с аналогичным периодом прошлого года.

61. Еще одним изменением в 2017 году стало увеличение количества людей, приговоренных к лишению свободы сроком от пяти лет и более. До 2017 года примерно 10,8 процента от общего числа осужденных в СУАР получали сроки свыше пяти лет. В 2017 году эта цифра выросла до 87 процентов приговоров. По данным официальной государственной статистики, только за 2017 год суды СУАР приговорили к лишению свободы на срок от пяти лет и более 86 655 обвиняемых, что в 10 раз больше, чем в предыдущем году,¹⁴⁶ хотя и в этом случае невозможно дезагрегировать число обвиненных и осужденных за терроризм или правонарушения, связанные с «экстремизмом».

62. Данные остаются неполными, а аналогичные данные за 2020 год и последующий период недоступны.¹⁴⁷ Это затрудняет рассмотрение этих данных в контексте более длительного периода времени, определяя, может ли это быть всплеском или частью более общей тенденции, а также насколько непропорционально увеличилось число обвинительных приговоров и как это влияет на конкретные группы населения. Однако даже если всплеск в 2017-2018 годах был краткосрочным, он неизбежно означает, что значительно увеличившееся количество заключенных в Синьцзяне сохраняется и сегодня, поскольку приговоры продолжают исполняться. В заявлении от апреля 2021 года правительство подтвердило, что почти одна треть из 10 708 записей в «Проекте данных Синьцзян», «Базе данных о жертвах Синьцзяна» и «Базе данных уйгурского правосудия переходного периода», — платформах, поддерживаемых гражданским обществом и которыми пользуются в основном члены семей, когда ищут информацию о местонахождении своих близких в СУАР, —

В 2017 году число дел выросло на 100,3% и составило 4335. В 2018 году суды приняли 5644 дела, что на 30,6% больше, чем в предыдущем году.

¹⁴³ В 2020 году процент оправдательных приговоров составил 0,0681 процента, см. Отчет о работе Верховного народного суда, четвертая сессия Всекитайского собрания народных представителей 13-го созыва, 8 марта 2021 г., <https://www.court.gov.cn/zixun-xiangqing-290831.html>. В 2019 году процент оправдательных приговоров составил 0,0836 процента, см. Отчет о работе Верховного народного суда на 13-м Всекитайском собрании народных представителей на третьей сессии Собрания, 25 мая 2020 г., <https://www.court.gov.cn/zixun-xiangqing-231301.html>.

¹⁴⁴ Эта цифра отличается от данных, содержащихся в Отчете о работе Народной прокуратуры КНР, 13-я сессия Синьцзян-Уйгурского автономного района от 23 января 2018 года, в котором указана цифра в 330 918 арестованных и 362 872 привлеченных к ответственности за различные уголовные правонарушения с 2013 по 2017 год.

¹⁴⁵ См. ежегодные отчеты прокуратуры Синьцзян-Уйгурского автономного района.

¹⁴⁶ В 2016 году 8136 человек были приговорены к лишению свободы на срок более пяти лет, пожизненному заключению и смертной казни. 22 459 человек были приговорены к лишению свободы на срок менее пяти лет. Всего — 30 595 человек. В 2017 году 86 655 человек были приговорены к лишению свободы на срок более пяти лет, пожизненному заключению и смертной казни, 12 671 человек были приговорены к лишению свободы на срок менее пяти лет. Всего — 99 326. Источники находятся в досье УВКПЧ (отчеты прокуратуры СУАР).

¹⁴⁷ Эта информация была запрошена у правительства Китая в марте 2021 года, правительство до сих пор не предоставило ответа.

относится к осужденным по уголовным статьям, отбывающим наказание «за преступления насильственного терроризма и уголовные преступления».¹⁴⁸

63. Кроме того, строительство новых или увеличение мощностей старых зданий, имеющих повышенный уровень безопасности, особенно после 2019 года, что видно по спутниковым снимкам из общедоступных источников (Google Earth), по-видимому, означает увеличение числа мест содержания под стражей, соотносящееся с увеличением числа заключенных, которых нужно содержать как до судебного разбирательства, так и после осуждения. Во многих местах существующие тюрьмы были расширены. В качестве показательного примера можно привести Урумчинский центр заключения №3 в Дабанчэне, который значительно увеличился в размерах с 2018 по 2020 год, при этом количество зданий на территории комплекса увеличилось с 40 в 2018 году до 68 в 2019 году и 92 в 2020 году.¹⁴⁹

22 апреля 2018 г. (изображение доступно в Google Earth)

¹⁴⁸ Седьмая пресс-конференция Синьцзян-Уйгурского автономного района по вопросам Синьцзяна в Пекине, 9 апреля 2021 г. См. стенограмму на сайте посольства Китая в США: <https://www.mfa.gov.cn/ce/ceus//eng/zt/wonderfulxj/xinjiangpressconference/7thpress/t1894724.htm>.

¹⁴⁹ Это согласуется с другой информацией, которая, судя по всему, носит официальный характер, а именно с речью министра общественной безопасности Чжао Кэжи в июне 2018 года, в которой он, как сообщается, заявил, что «в прошлом году Министерство юстиции отобрало 1500 полицейских со всей страны, двумя партиями, для поддержки тюрем Синьцзяна». В этом году третья партия из 1000 офицеров прибыла в Синьцзян, чтобы облегчить решение серьезной проблемы чрезмерного содержания под стражей (по сравнению с вместимостью) в тюрьмах автономного района...» «Что касается расширения инвестиций, Государственный комитет по развитию и реформам поддерживает 27 проектов расширения (существующих) тюрем и один проект строительства новых тюрем в автономном районе с общим объемом инвестиций 2,27 млрд юаней. После завершения всех проектов к концу этого года вместимость тюрем автономного района и численность служб увеличится на 57 300 человек.....» См. «Досье полиции Синьцзяна» (неофициальный перевод).

19 марта 2020 г. (изображение доступно в Google Earth)

64. УВКПЧ изучило перекрестную выборку доступных судебных решений по делам о якобы терроризме или «экстремизме» в отношении обвиняемых из этнических общин в СУАР в период 2014-2019 годов. Число общедоступных и соответствующих судебных решений ограничено и не обязательно может отражать всю судебную практику, но те, которые доступны, дают значимое представление о том, как судебная власть интерпретирует акты религиозного «экстремизма». ¹⁵⁰ Это включает незначительные нарушения, которые, очевидно, получили строгое наказание; постановления о том, что поведение является «экстремистским», несмотря на то, что ни одно из официальных обвинений не связано с терроризмом или «экстремизмом»; квалификация судами тех или иных действий как «экстремистских» без объяснений, как эти действия оцениваются в соответствии с применимыми юридическими определениями; вероятное преследование скрытого религиозного поведения, а не на фактических действиях, за которые лицо подвергается судебному преследованию; и признаки подхода, который рассматривает любой вид нарушения закона, совершенного мусульманином, как предположительно «экстремистский».

65. УВКПЧ также проанализировало многочисленные отчеты и данные об арестах и назначенных тюремных сроках, среди которых часто длительные сроки лишения свободы, в отношении выдающихся ученых, деятелей искусства и интеллектуалов из уйгурского сообщества, в том числе в период «Сильного удара». Несколько таких случаев были рассмотрены правозащитными механизмами ООН. ¹⁵¹ Помимо общей обеспокоенности, которую вызывают уже выявленные проблемы с правами человека, уголовное преследование и задержание таких лиц оказывают более широкое пагубное воздействие на жизнь их сообщества.

66. Эта информация дополняется свидетельствами из первых рук, собранными УВКПЧ от находящихся за рубежом членов семей уйгуров и казахов, которые отбывают длительные сроки тюремного заключения за предполагаемые преступления, связанные с терроризмом и «экстремизмом». Их отчеты дают дополнительное представление о тяжести уголовной криминализации и предписанного наказания за

¹⁵⁰ 9 марта 2021 года УВКПЧ запросило у правительства данные судебной статистике и решениях административных органов, реализующих политику борьбы с терроризмом и «экстремизмом». Ответ получен не был. Образцы публичных решений и судебной практики дополняются документами, которые вероятно официальные, и которые также указывают на то, что религиозное поведение, такое как чтение священного писания другим лицам или отращивание бороды, может повлечь за собой длительные уголовные сроки, часто по статье 293 Уголовного кодекса Китая (разжигание ссор), см., например, «Досье полиции Синьцзяна».

¹⁵¹ См., например, совместный пресс-релиз Специальных докладчиков ООН: <https://www.ohchr.org/en/press-release/2019/12/china-urged-disclose-location-uyghur-academic-tashpolat-tiyip>, 26 декабря 2019 г.; Совместное сообщение группы специальных докладчиков, AL CHN 4/2021, 28 апреля 2021 г. См. также мнение Рабочей группы по произвольным задержаниям A/HRC/WGAD/2014/3, 21 июля 2014 года.

религиозное поведение и/или предполагаемую «террористическую» деятельность, такую как выезд за границу или отправка денежных средств за границу, в СУАР.¹⁵²

67. Хотя на основе имеющейся на данном этапе информации невозможно конкретно определить, в какой степени резкое увеличение количества заключенных в последние годы привело к произвольным задержаниям, тем не менее информация, рассмотренная УВКПЧ, вызывает серьезную обеспокоенность. Это происходит в контексте того, что система уголовного правосудия, содержащая слишком неконкретные составы преступлений,¹⁵³ функционирует при ограничении прав на справедливое судебное разбирательство и при недостаточной независимости судей, что может привести к дальнейшему росту произвольного лишения свободы в контексте системы уголовного правосудия.¹⁵⁴

68. Таким образом, тенденция увеличения количества и продолжительности тюремного заключения в системе уголовного правосудия в СУАР убедительно свидетельствует о том, что произошел сдвиг в сторону формального содержания под стражей как основного средства в практике широкого применения тюремного заключения и лишения свободы. Это вызывает особую обеспокоенность, учитывая расплывчатые и широкие определения терроризма, «экстремизма» и преступлений, связанных с общественной безопасностью во внутреннем уголовном законодательстве, которые могут привести к уголовному преследованию и назначению длительных сроков лишения свободы, в том числе за мелкие правонарушения или за участие в деяниях, защищенных международным правом в области прав человека.

V. Условия и обращение в «Центрах профессионального образования и обучения»

69. Поступали неоднократные заявления о неблагоприятных условиях в учреждениях ЦПОО и жестоком обращении с задержанными со стороны властей. Правительство отвергло подобные обвинения, заявив в своей Белой книге 2019 года «Профессиональное обучение и образование в Синьцзяне», что права «стажеров» полностью соблюдаются.

70. Опрошенные УВКПЧ бывшие задержанные находились в учреждениях ЦПОО, обычно от двух до 18 месяцев, в восьми различных географических точках СУАР, в том числе в Или-Казахском автономном округе и округах Аксу, Баингол, Хотан, Карамай и Урумчи.¹⁵⁵ Две трети из 26 опрошенных бывших задержанных сообщили,

¹⁵² Интервью УВКПЧ.

¹⁵³ Следует напомнить, что в дополнение к чрезмерно широким и расплывчатым составам террористических и «экстремистских» преступлений, китайское уголовное законодательство изобилует преступлениями против общественной безопасности, имеющими неточные и широкие юридические формулировки. Примерами могут служить разжигание межнациональной розни или дискриминации «при отягчающих обстоятельствах» (ст. 249 УК, редакция 2021 г.), сбор толпы, нарушающей «общественный порядок» (ст. 290 УК, редакция 2021 г.) или «провокация ссор и создание беспорядков». (ст. 293 УК, редакция 2021 г.) (неофициальные переводы). Их можно легко использовать для наказания за незначительные действия или законные формы инакомыслия. См. также Комитет ООН против пыток, 3 февраля 2015 г., CAT/C/CHN/CO/5, п. 36.

¹⁵⁴ Механизмы ООН по правам человека критиковали практическую реализацию стандартов независимости судебной власти. См., например, Заключительные замечания Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам (КЭСКП) по Второму периодическому докладу Китая, п. 10, 13 июня 2014 г.; и Заключительные замечания Комитета против пыток (КПП), пп. 22–23d, 3 февраля 2015 г., CAT/C/CHN/CO/5.

¹⁵⁵ В соответствии со своей стандартной методологией в случаях пыток или сексуального и гендерного насилия, УВКПЧ преимущественно полагается на показания жертв и очевидцев из первых рук, если они оцениваются как заслуживающие доверия и соответствующие другой доступной информации. Кроме того, УВКПЧ также изучило десятки общедоступных показаний потерпевших и свидетелей, чтобы понять характер выдвигаемых обвинений и их общий контекст. Однако выводы УВКПЧ по этому вопросу основаны на его собственных

что подвергались обращению, равнозначному пыткам и/или другим формам жестокого обращения, либо в самих учреждениях ЦПОО, либо в ходе процесса перевода в учреждение ЦПОО. Из заявлений о жестоком обращении следует, что оно имело место либо во время допросов,¹⁵⁶ либо как форма наказания за (предполагаемое) правонарушение.¹⁵⁷ Бывшие задержанные рассказали, что их избивали дубинками, в том числе электрическими, привязав к так называемому «стулу тигра»;¹⁵⁸ подвергали допросу, обливая лицо водой; подвергали длительному одиночному заключению; и заставляли подолгу неподвижно сидеть на маленьких табуретках. Лица, сообщившие, что их избивали с целью получить признательные показания, рассказывали, что их доставляли в кабинеты для допросов, которые были отделены от других камер или общежитий, где находились люди. Более двух третей опрошенных также сообщили, что до их перевода в учреждение ЦПОО их держали в полицейских участках, где они описали аналогичные случаи избиения, а также привязывания к «стулу тигра» в этих учреждениях.¹⁵⁹

71. Сообщалось также о других формах жестокого обращения, помимо применяемого во время допросов и в качестве наказания. Несколько опрошенных рассказали, что часть срока пребывания в учреждениях ЦПОО они провели, будучи закованными в кандалы.¹⁶⁰ Одной из значимых тем было описание постоянного голода и, как следствие, значительной, вплоть до серьезной, потери веса во время пребывания в учреждениях.¹⁶¹ Они также рассказали о постоянной слежке и включенном на ночь в общежитиях/камерах свете, лишаящим их сна.¹⁶² Опрошенные рассказали, как людям в общежитиях/камерах приходилось работать в двухчасовых ночных сменах, чтобы убедиться, что сокамерники не молятся или иным образом не нарушают правила в ночное время.¹⁶³ Некоторые также отметили, что им не разрешалось говорить на родном языке (будь то уйгурский или казахский) и исповедовать свою религию,

опросах и анализе применимых законов, политических заявлений и других документов из открытых источников.

¹⁵⁶ Интервью УВКПЧ.

¹⁵⁷ Интервью УВКПЧ.

¹⁵⁸ «Стулья тигра» обычно представляют собой устройства, то есть стулья, к которым человека привязывают за руки и за ноги. Это часто сопровождается избиениями или другими формами пыток. См. обеспокоенность Комитета ООН против пыток по поводу использования «стульев для допросов» в Заключительных замечаниях по Китаю, 3 февраля 2016 г., CAT/C/CHN/CO/5, п. 26: *«В этой связи Комитет выражает обеспокоенность по поводу объяснения государства-участника о том, что использование так называемого „стула для допросов“ оправданно „в качестве защитной меры, предотвращающей побег подозреваемых, членовредительство или нападение на персонал“, что весьма маловероятно во время допроса»*. Использование «стульев тигра» в ЦПОО подробно описано в «Досье полиции Синьцзяна», включая ряд внутренних инструкций для ЦПОО. Информация Досье сводится к следующему: (i) полицейские охранники вооружены; (ii) (каковы) исправительные меры и наказание лиц, ответственных за попытку побега, (а также) приказы стрелять на поражение (iii) Лица, обращающиеся за медицинской помощью, вынуждены носить ограничивающие приспособления [т. е. наручники, кандалы] (iv) во время переводов из одного места в другое на стажерах должны быть наручники, кандалы и капюшоны; (v) все стажеры при регистрации допрашиваются и проходят медицинское обследование. Эти полицейские протоколы сопровождаются фотографиями, показывающими внутреннюю работу центров, где задержанных можно увидеть в кандалах и капюшонах рядом с вооруженной полицейской охраной.

¹⁵⁹ Интервью УВКПЧ. УВКПЧ также получило некоторые сообщения о подозрительных смертях, произошедших в местах содержания под стражей в ЦПОО, а также в других местах задержания. Однако их не удалось проверить. УВКПЧ напоминает, что договорные органы ООН выразили обеспокоенность в связи с сообщениями о пытках, жестоком обращении и смертях в заключении представителей некоторых этнических меньшинств, включая уйгуров. См. Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации, Заключительные замечания по Китаю, CERD/C/CHN/CO/14-17, 19 сентября 2018 г., пп. 38 и 39.

¹⁶⁰ Интервью УВКПЧ.

¹⁶¹ Интервью УВКПЧ.

¹⁶² Интервью УВКПЧ.

¹⁶³ Интервью УВКПЧ.

например, молиться, что для них было дополнительным испытанием.¹⁶⁴ Ситуация еще более усугублялась «политическими учениями», заключающимися в необходимости изучения и запоминания так называемых «красных песен» и других официальных партийных материалов. Опрошенные указывали, что это было постоянным аспектом их пребывания в учреждениях ЦПОО;¹⁶⁵ один из опрошенных описал свой опыт следующим образом: «Нас заставляли петь одну патриотическую песню за другой каждый день, как можно громче и до тех пор, пока не становилось больно, пока наши лица не становились красными и на лице не выступали вены».¹⁶⁶

72. Почти все опрошенные рассказали, что в учреждениях ЦПОО им регулярно делали инъекции, давали таблетки или и то и другое вместе, а также регулярно брали образцы крови. Опрошенные были последовательны в своих описаниях, рассказывали о том, что принимаемые лекарства вызывали у них сонливость. Один из опрошенных так описал процесс приема таблеток: «Мы получали по одной таблетке в день. Она была похожа на аспирин. Нас выстраивали в очередь и кто-то из персонала в перчатках систематически проверял наши рты, чтобы убедиться, что мы это проглотили».¹⁶⁷ Хотя, по словам опрошенных, частота этих медицинских вмешательств и лечения варьировалась, однако как инъекции, так и прием так называемых «белых таблеток» происходили в начале их помещения и на протяжении всего времени их пребывания в ЦПОО. Никто из опрошенных не был должным образом проинформирован об этих медицинских процедурах и не чувствовал себя в состоянии от них отказаться. В таких обстоятельствах невозможно говорить об информированном согласии.

73. Некоторые также говорили о различных формах сексуального насилия, включая некоторые случаи изнасилования, от которых страдали в основном женщины. По свидетельствам опрошенных, охранники принуждали их к оральному сексу в ходе допроса, а также применяли различные формы сексуального унижения, включая принуждение к обнажению. В отчетах также описывалось, как изнасилования происходили вне общежитий, в отдельных комнатах без камер. Кроме того, несколько женщин рассказали, что подвергались инвазивным гинекологическим осмотрам, в том числе одна женщина, которая рассказала, что это происходило в групповой обстановке, которая «заставляла старух стыдиться, а молодых девушек плакать»,¹⁶⁸ потому что они не понимали, что происходит. Правительство решительно отвергло эти утверждения, часто посредством личных или гендерных нападок на женщин, публично заявивших эти обвинения.¹⁶⁹

74. Ряд опрошенных говорили, что у них были постоянные проблемы со здоровьем в результате суровых условий и обращения, которые, по их словам, они испытывали в учреждениях.¹⁷⁰ Некоторые из опрошенных также охарактеризовали свое пребывание в учреждениях как «психологическую пытку» из-за неопределенности о причинах их задержания, продолжительности их пребывания, условий, постоянной атмосферы страха и отсутствии контакта с внешним миром, особенно с их семьями, а также стресса и беспокойства в связи с постоянным наблюдением. Как заявил один из

¹⁶⁴ В Белой книге по профессиональному образованию и обучению в Синьцзяне 2019 года прямо говорится, что «в процессе управления центрами разделяется образование и религия, что на практике означает, что стажеры не должны ни организовывать, ни принимать участие в религиозной деятельности в центре, но когда они вернутся домой, они могут самостоятельно решить, принимать или нет участие в религиозной практике при соблюдении требований закона».

¹⁶⁵ Интервью УВКПЧ.

¹⁶⁶ Интервью УВКПЧ.

¹⁶⁷ Интервью УВКПЧ.

¹⁶⁸ Интервью УВКПЧ.

¹⁶⁹ См., например, Министерство иностранных дел КНР и пресс-конференцию официального представителя МИД Ван Вэньбиня 23 февраля 2021 г.; См. также Global Times «Так называемые задержанные Синьцзяна лгут в рассказах „жертв“ об учебных центрах: правительство региона», 3 декабря 2019 г.; См. также BBC «Цена выступления против Китая», Дж. Гюнтер, 31 марта 2021 г. и Reuters «Китай противопоставляет уйгурской критике явные нападки на женщин-свидетельниц», К. Каделл, 1 марта 2021 года

¹⁷⁰ Интервью УВКПЧ.

опрошенных, «самое худшее было то, что ты никогда не знал, когда тебя выпустят».¹⁷¹ Многие из опрошенных сообщили о долгосрочных психологических последствиях пребывания в учреждениях ЦПОО, включая переживание травмы.

75. Последовательные свидетельства из первых рук об условиях и обращении с задержанными в ЦПОО выявили многочисленные серьезные проблемы с правами человека. Во-первых, они указывают на нарушение основного требования о гуманном и соответствующем человеческому достоинству обращении с лицами, лишенными свободы,¹⁷² а также на нарушение абсолютного запрета пыток и других форм жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания.¹⁷³ Кроме того, совокупность условий и обращение в учреждениях ЦПОО представляли собой нарушения основных стандартов гуманного обращения с задержанными.¹⁷⁴ Такие условия, особенно если они наблюдаются в течение длительного периода времени или в повторяющихся формах, могут также привести к физическим и психическим страданиям, достаточно серьезным, чтобы их можно было приравнять к пыткам или другим формам жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания.

76. Существуют также опасения в отношении права на здоровье лиц, содержащихся в учреждениях ЦПОО. Каждый человек имеет право на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья,¹⁷⁵ включая лиц, лишенных свободы. Это включает в себя право контролировать свое здоровье и тело, а также право быть защищенным от (медицинского) вмешательства, право на свободу от пыток и медицинского лечения без согласия.¹⁷⁶ Гарантия информированного согласия имеет основополагающее значение для осуществления права на здоровье, что достигается через практику, политические программы и исследования, уважающих индивидуальную автономию, самоопределение и человеческое достоинство.¹⁷⁷ Право на здоровье также распространяется на основополагающие компоненты здоровья, такие как, среди прочего, доступ к безопасной питьевой воде и адекватным

¹⁷¹ Интервью УВКПЧ.

¹⁷² Статья 10 МПГПП. Комитет ООН по правам человека охарактеризовал это право как выражение «нормы общего международного права, не допускающей отступлений». См. Комитет ООН по правам человека, Замечание общего порядка № 29 (CCPR/C/21/Rev.1/Add.11), п. 13а. См. также пересмотренные Минимальные стандартные правила ООН обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы), принятые Генеральной Ассамблеей ООН в ее резолюции A/RES/70/175 (17 декабря 2015 г.).

¹⁷³ Китай является участником Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. См. также статью 5 ВДПЧ и статью 7 МПГПП. Запрет пыток считается нормой обычного международного права, а также императивной нормой международного права, отступления от которой не допускаются.

¹⁷⁴ Примеры включают переполненные камеры или общежития, антисанитарные условия, лишение сна, отсутствие уединения, сексуальное запугивание или унижение, недостаточное питание, неадекватное медицинское обслуживание, длительное стрессовое положение, отсутствие возможности общаться с семьей, отсутствие возможности использовать родной язык и исповедовать свою религию, неопределенность относительно даты освобождения, медицинское лечение без согласия, политическое перевоспитание и жизнь под постоянной угрозой насилия.

¹⁷⁵ Статья 12 МПЭСКП.

¹⁷⁶ Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам, Замечание общего порядка № 14 (E/C.12/2000/4), п. 8. Более того, Специальный докладчик ООН по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания утверждал, что «медицинское лечение интрузивного и необратимого характера, когда оно не имеет терапевтической цели, может представлять собой пытку или жестокое обращение, когда оно применяется или проводится принудительно без свободного и осознанного согласия соответствующего лица», см. доклад Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания, A/HRC/22/53, п. 32.

¹⁷⁷ См. доклад Специального докладчика по вопросу о праве каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья, A/64/272.

санитарным условиям, достаточное снабжение безопасными продуктами питания и само питание.¹⁷⁸

77. Кроме того, существует серьезная обеспокоенность по поводу реакции правительства на обвинения в нарушениях прав человека в учреждениях ЦПОО и вероятного отсутствия эффективных средств правовой защиты и возмещения ущерба. Даже если некоторые законы в принципе предусматривают санкции в отношении должностных лиц, которые превышают свои полномочия или не выполняют свои обязанности, УВКПЧ не известно ни об одном случае применения этих санкций. Аналогичным образом, в имеющихся официальных документах не упоминается какой-либо независимый механизм контроля за работой учреждений ЦПОО, который мог бы проводить проверки, или через который соответствующие лица могли бы обжаловать свое принудительное направление на прохождение программы ЦПОО или который расследовал бы жалобы на предполагаемые нарушения прав человека¹⁷⁹. Хотя в небольшом количестве свидетельств упоминаются те или иные внешние визиты должностных лиц, которые время от времени имели место в учреждениях ЦПОО, их описания не указывают на то, что в их рамках люди могли сообщить о нарушениях.¹⁸⁰ В целом эти обстоятельства вызывают серьезные сомнения относительно наличия на практике эффективных средств правовой защиты от нарушений прав задержанных, а также обеспокоенность, выраженную в 2016 году Комитетом ООН против пыток, призывающим Китай «создать независимый механизм контроля для обеспечения быстрого, беспристрастного и эффективного расследования всех заявлений о пытках и жестоком обращении». Замечания КПП ООН остаются в силе.¹⁸¹

78. В заключение, свидетельства о содержании в ЦПОО в период с 2017 по 2019 годы, собранные УВКПЧ, отмечены фактами пыток или других форм жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, другими нарушениями прав лиц, лишенных свободы, на гуманное и достойное обращение, а также нарушениями права на здоровье. Также были получены обвинения о случаях сексуального и гендерного насилия (СГН) в учреждениях ЦПОО, включая изнасилования, которые также выглядят правдоподобными и сами по себе могут быть приравнены к пыткам или другим формам жестокого обращения. На основании имеющейся в настоящее время информации невозможно сделать более широкие выводы о том, насколько в учреждениях ЦПОО могла быть распространена практика СГН. Полное отрицание правительством всех обвинений, а также его гендерные и унижительные нападки на тех, кто осмелился поделиться своим опытом, усугубили унижение и страдания выживших.

VI. Другие проблемы с обеспечением прав человека

79. Кроме практики широкого применения лишения свободы в отношении определенных категорий лиц, уже описанной в этом докладе, имеются дополнительные утверждения о более широком негативном воздействии кампании «Сильный удар» и связанной с ней политики в СУАР на права представителей этнических меньшинств. Были выдвинуты претензии, в частности, в отношении

¹⁷⁸ Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам, Замечание общего порядка № 14, E/C.12/2000/4, п. 11.

¹⁷⁹ Статья 62 ХИМ (версия после поправки 2018 года), например, предусматривает, что сотрудники антитеррористических подразделений и соответствующих ведомств, которые «не выполняют свои обязанности по контртеррористической работе», могут быть подвергнуты выговорам и обучению, привлечены к административной ответственности при наличии серьезных нарушений и привлечены к уголовной ответственности, если было совершено преступление (неофициальный перевод). Статья 94 СТЛ, в свою очередь, вводит санкции за превышение должностных со стороны и «иное поведение, нарушающее законы или дисциплину», предусматривая, что «все подразделения и отдельные лица имеют право сообщать об этом или выдвигать обвинения в компетентное ведомство» (неофициальный перевод).

¹⁸⁰ Интервью УВКПЧ.

¹⁸¹ Комитет ООН против пыток, Заключительные замечания по 5-му периодическому докладу Китая, 3 февраля 2016 г., CAT/C/CHN/CO/5, п. 23.

необоснованных ограничений культурной, языковой и религиозной идентичности и самовыражения; права на неприкосновенность частной жизни и передвижение; репродуктивных прав; а также в отношении занятости и трудовых прав. Многие из этих проблем указывают на более широкие тенденции, имеющие место в регионах проживания этнических меньшинств, на которые на протяжении многих лет обращали внимание механизмы ООН по правам человека. Эти тенденции, в свою очередь, обсуждаются ниже.

А. Религиозная, культурная и языковая идентичность и самовыражение

80. Право представителей меньшинств на защиту от дискриминации закреплено в Конституции Китая и Законе о региональной этнической автономии,¹⁸² и это было подтверждено в многочисленных официальных политических документах, в которых говорится о равенстве, единстве, региональной этнической автономии и развитии для всех этнических групп.¹⁸³ Правительство последовательно отвергает обвинения в какой-либо дискриминации в отношении уйгуров и представителей других преимущественно мусульманских меньшинств в СУАР и подчеркивает, что в региональном правительстве и Всекитайском собрании народных представителей обеспечено представительство этнических меньшинств. Однако в последние годы многочисленные механизмы ООН по правам человека выражали обеспокоенность по поводу ограничений культурных прав и прав на свободу религии и выражения мнений в регионах проживания этнических меньшинств, включая СУАР.¹⁸⁴

81. В контексте реализации стратегий правительства по контр-терроризму и контр-«экстремизму» эти проблемы приобрели более острый характер из-за постепенного ужесточения в регулировании религиозной практики.

82. Свобода религии и «нормальная религиозная деятельность» защищены Конституцией Китая.¹⁸⁵ Правительство заявляет, что более 20 миллионов человек исповедуют ислам в провинциях и регионах по всему Китаю. Однако законы и другие правовые документы, применимые в Китае в целом и конкретно в СУАР, регулируют религиозную деятельность очень детально, со множеством предписаний и с использованием особенного контроля. Религиозная деятельность разрешена только в местах, утвержденных правительством, ее проводит персонал, аккредитованный правительством, причем на основе утвержденных правительством учений и публикаций.¹⁸⁶ Религиозная деятельность строго запрещена в «государственных учреждениях, школах народного образования, общественных учреждениях и других местах».¹⁸⁷ Детям не разрешается участвовать в религиозных мероприятиях.¹⁸⁸ Правительство, однако, указало, что оно выступает за форму «ислама с китайской спецификой», которая соответствует основным догматам, но лучше адаптирована к

¹⁸² Статья 4 Конституции КНР; Статья 9 Закона о региональной этнической автономии.

¹⁸³ См., например, Белую книгу «Уважение и защита прав всех этнических групп в Синьцзяне», опубликованную 14 июля 2021 года Информационным бюро Госсовета Китая.

¹⁸⁴ См., например, Заключительные замечания Комитета по экономическим, социальным и культурным правам, E/C.12/CHN/CO/2, 13 июня 2014 г., п. 36; Заключительные замечания Комитета по ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, CEDAW/C/CHN/CO/7-8, 14 ноября 2014 г., пп. 35(b), 47; Заключительные замечания по объединенным Четырнадцатому-Семнадцатому периодическим докладом Китая (включая Гонконг, Китай и Макао (Китай), CERD/C/CHN/CO/14-17, пункты 40(b), 40(c), 41(e), 41(f), 19 сентября 2018 г. См. также различные сообщения Специального докладчика по вопросам меньшинств, Специального докладчика по вопросам свободы религии и убеждений и других специальных процедур: CHN 1/2018; CHN 21/2018; CHN 18/2019.

¹⁸⁵ Статья 36 Конституции КНР.

¹⁸⁶ См. Положение по делам религии Синьцзяна (XRAR) с поправками, внесенными в 2014 году; и Положение по делам религии (RAR) с поправками, внесенными в 2017 году. См. также Государственный совет КНР, Белая книга «Свобода вероисповедания в Синьцзяне», июнь 2016 г.

¹⁸⁷ Статья 31 XRAR (неофициальный перевод).

¹⁸⁸ Статья 37 XRAR (неофициальный перевод).

китайскому обществу и может играть положительную роль в экономическом и социальном развитии Китая.

83. Кампания «Сильный удар» привела к принятию или изменению различных правовых инструментов, нацеленных на дальнейшее ужесточение регулирования в области религиозной деятельности. Это было реализовано на практике, включая и обязательство для «любой организации или отдельного лица сознательно противостоять религиозному экстремизму и незаконной религиозной деятельности».¹⁸⁹ Как подчеркивалось выше, «экстремизм» определяется широко, в то время как правовые инструменты содержат список «основных проявлений экстремизма»,¹⁹⁰ которые на практике подкрепляются списками «признаков»¹⁹¹ для оказания помощи должностным лицам и широкой общественности для выявления «экстремистского» поведения в обществе.¹⁹² Эти «проявления» и «признаки» включают поведение, которое в данных обстоятельствах может вызывать законное беспокойство, например, «подстрекательство к джихаду, пропаганда и осуществление насильственной террористической деятельности»,¹⁹³ но при этом охватывают исключительно широкий спектр действий, которые связаны с осуществлением защищенных основных свобод и культурной и религиозной жизнью этих сообществ. К ним относятся ношение хиджабов и «ненормальная» борода; расширение сферы применения «халяль»; закрытие ресторанов во время Рамадана; участие в религиозной деятельности на территории округа «без уважительной причины»; использование виртуальных частных сетей (VPN), социальных сетей и Интернета для обучения священному писанию и для проповедования; а также выбор мусульманского имени для ребенка.¹⁹⁴ Они также включают в себя различные формы инакомыслия и нарушения других законов и положений, в том числе касающихся планирования семьи.

84. Столь исключительно широкое толкование «экстремизма», зачастую явно нацеленное на стандартные правила исламской религии и практики, фактически переводят все подобные действия в сферу политики «противодействия экстремизму» с сопутствующим риском уголовного наказания и/или перевоспитания, т.к. такие действия потенциально нарушают законодательные требования к религиозной деятельности и нормы более общего государственного регулирования. Таким образом, создается среда, в которой религиозная или культурная практика или самовыражение смешиваются с «экстремизмом» и могут привести к серьезным последствиям для лиц, идентифицированных таким образом.¹⁹⁵

85. Наряду с ужесточением ограничений для публичного выражения мусульманской религиозной традиции появляются повторяющиеся сообщения о разрушении исламских религиозных объектов, таких как мечети, святыни и кладбища, особенно в период кампании «Сильный удар». По данным правительства, 20 000 из 35 000 мечетей страны расположены в СУАР.¹⁹⁶

¹⁸⁹ Статья 5.3 XRAR (неофициальный перевод).

¹⁹⁰ Статья 9 XRD (неофициальный перевод).

¹⁹¹ См. Бюро общественной безопасности Наньчана, «75 религиозных крайностей», 8 сентября 2015 года.

¹⁹² Global Times «В округах Синьцзяна выявлено 75 форм религиозного экстремизма», 25 декабря 2014 года.

¹⁹³ Признак 4 в списке 75 признаков религиозного экстремизма (неофициальный перевод).

¹⁹⁴ Статья 9.8 XRD («неправильный выбор имени» как запрещенный признак «экстремизма»). См. также сообщения СМИ с примерами имен, которые, как сообщается, считаются чрезмерно исламскими, например, Хадж, Джихади, Мекка и Мохамед: Ассошиэйтед Пресс, «Китай запрещает список исламских имен в беспокойном регионе Синьцзян», Г. Ши, 27 апреля 2017 г. УВКПЧ не в состоянии подтвердить эти примеры и степень, в которой такая политика применяется и соблюдается на всей территории СУАР.

¹⁹⁵ Некоторые из опрошенных УВКПЧ правдиво рассказали об ужесточении ограничений свобод религии в СУАР с 2015 года, включая ограничения, введенные на молитву, хранение Корана и доступ в мечети.

¹⁹⁶ Однако официальных данных о местонахождении этих объектов нет, что затруднило проверку предполагаемых способов разрушения. См. Global Times, «Мечети Синьцзяна выросли в десять раз» от 3 марта 2015 г. Эту цифру подтвердил президент Исламской ассоциации Китая:

Тем не менее, ряд исследователей, преимущественно основываясь на детальном анализе общедоступных спутниковых снимков, считают, что за последние годы в СУАР было разрушено большое количество мечетей.¹⁹⁷ Об этой тенденции также сообщили журналисты-расследователи, которые посетили регион и сравнили спутниковые изображения с текущим физическим состоянием соответствующих географических объектов.¹⁹⁸ Правительство, со своей стороны, последовательно отвергало обвинения в неправомерном перемещении или разрушении религиозных объектов, заявляя вместо этого о том, что мечети находятся в аварийном состоянии и реконструируются по соображениям безопасности, и основные захоронения и погребальные обычаи защищены, в то время как благоустройство кладбищ продолжается.¹⁹⁹ Правительство также заявило, что «люди разных этнических групп в некоторых местах перенесли кладбища по собственному желанию».²⁰⁰

86. Анализ спутниковых снимков, находящихся в открытом доступе, показывает, что многие религиозные объекты, судя по всему, были удалены или изменены их характерные отличительные черты, например, снесены минареты. Показательным примером является трансформация храма Имама Асима, расположенного на юге Синьцзяна, к северу от города Хотан (см. изображения ниже). Здесь раньше находились могила Имама, мечеть и несколько связанных с ней гробниц, и это было место паломничества уйгуров и представителей других мусульманских общин. На спутниковых снимках, полученных из Google Earth в период с декабря 2017 года по июнь 2020 года, видно, что святыня и надгробие, которое раньше было окружено флагами паломников, снесены.

см. Global Times, «Адаптация ислама к местным условиям – лучший курс для развития китайского общества: глава Исламской ассоциации», 8 февраля 2021 г.

¹⁹⁷ См., например, Австралийский институт стратегической политики, «Культурное стирание, отслеживание разрушения исламских объектов в Синьцзяне», 2020 г.; «Разрушаются ли исторические мечети в Синьцзяне?» Опубликовано исследование Bellingcat, 5 апреля 2019 г.; «Разрушение веры: разрушение и осквернение уйгурских мечетей и святынь», Уйгурский проект по правам человека, 28 октября 2019 года.

¹⁹⁸ См., например, Reuters, «Мечети исчезают, поскольку Китай стремится „построить прекрасный Синьцзян“», 23 мая 2021 г., и New York Times, «Китай разрушает мечети и драгоценные святыни в Синьцзяне», 25 сентября 2020 года.

¹⁹⁹ По данным правительства, «...на объектах, которые пришли в упадок, соответствующие государственные ведомства при соблюдении Закона о городском и сельском планировании и уважении к пожеланиям верующих устранили потенциальные угрозы безопасности посредством реконструкции, перемещения или расширения, таким образом обеспечив безопасное и упорядоченное исповедование религии». См. Белую книгу «Уважение и защита прав всех этнических групп в Синьцзяне», Информационное бюро Госсовета, 14 июля 2021 года. См. также агентство Синьхуа, «Проверка фактов: ложь о проблемах, связанных с Синьцзяном, в сравнении с правдой», 5 февраля 2021 года.

²⁰⁰ Синьхуа, «Проверка фактов: ложь о проблемах, связанных с Синьцзяном, против правды», 5 февраля 2021 года. См. также Global Times, «Правительство Синьцзяна опровергает сообщения иностранных СМИ о „сносе мечетей“, заявляя, что восстанавливает их ради безопасности мусульман», 19 апреля 2021 года.

Храм Имама Асима:²⁰¹

Местоположение: 37°14'28" с. ш. 80°3'6" в. д.

Март 2012 г.: на территории храма видны здания.

Декабрь 2017 г.: здания были снесены до этой даты.

Июнь 2020 г.: остатки зданий больше не видны.

87. Хотя УВКПЧ не может на данном этапе прийти к однозначным выводам относительно масштабов разрушения религиозных объектов, из-за отсутствия доступа

²⁰¹ Эволюция объекта. Все изображения защищены авторскими правами Maxar Technologies через Google Earth.

к объектам и более полной информации со стороны правительства, эти сообщения по-прежнему вызывают глубокую тревогу.

88. Правозащитные механизмы ООН также выразили обеспокоенность по поводу уважения языковых прав этнических меньшинств, которые защищены китайским законодательством.²⁰² Например, в 2014 году в своем периодическом обзоре по Китаю Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам выразил обеспокоенность тем, что этнические меньшинства продолжают сталкиваться с серьезными ограничениями в реализации своего права на участие в культурной жизни, включая право использовать и преподавать языки, историю и культуру меньшинств, а также свободно исповедовать свою религию.²⁰³

89. Несколько мандатариев специальных процедур, а также Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации в 2017 и 2018 годах соответственно выразили обеспокоенность по поводу директивы 2017 года, принятой преимущественно уйгурско-населенным уездом Хотан,²⁰⁴ предписывающей ввести преподавание на общем национальном языке (мандаринском китайском) в период дошкольного образования, охватывающий три года, и в период первых лет начальной и средней школы с целью достижения полного охвата к 2020 году. Кроме того, директива запрещает использовать в системе образования тексты, лозунги и изображения на уйгурском языке, а также использовать уйгурский язык в коллективной деятельности, общественной деятельности и управленческой работе. В своих ответах правительство подтвердило свою приверженность двуязычному образованию в СУАР, но не поставило под сомнение подлинность директивы и не уточнило, остается ли она в силе.²⁰⁵ Лица, опрошенные УВКПЧ, также рассказали, что, по крайней мере, с 2014 года закрывались школы с обучением на уйгурском и/или казахском языке и что учителей постепенно отстраняли от выполнения своих двуязычных обязанностей.²⁰⁶

90. По данным правительства, все начальные и средние школы включили в свою учебную программу устных и письменных языков языки этнических меньшинств в дополнение к курсам стандартного устного и письменного китайского языка. Курсы языков этнических меньшинств являются обязательными (на местном уровне) с 1-го по 8-й классы и факультативными в старших классах средней школы. Учебники доступны на четырех языках этнических меньшинств. Все большее число студентов изучают этнические языки, в том числе уйгурский и казахский, на уровне бакалавриата и магистратуры.

91. Ограничения, описанные в этом разделе, вызывают серьезную обеспокоенность с точки зрения международного права в области прав человека. Международное право защищает право на свободу религии или убеждений, право, которое осуществляется

²⁰² См. статью 4 Конституции КНР: «Все этнические группы должны иметь свободу использовать и развивать свои собственные разговорные и письменные языки, а также сохранять или реформировать свои собственные традиции и обычаи», а также статью 121, в которой говорится, что правительственные учреждения в автономных регионах Китая «используют устную и письменную речь или языки, широко используемые в данной местности». Закон о региональной этнической автономии также гарантирует свободу этнических групп использовать и развивать свой собственный язык. См., например, статью 37, которая гласит, что «школы (классы) и другие образовательные учреждения, набирающие в основном учащихся из числа этнических меньшинств, должны, когда это возможно, использовать учебники на своих родных языках и использовать эти языки в качестве средства обучения».

²⁰³ См. Заключительные замечания Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам (КЛРД) по второму периодическому докладу Китая, включая Гонконг, Китай, и Макао, Китай, E/C.12/CHN/CO/2, 13 июня 2014 г., п. 36.

²⁰⁴ См. сообщение Специальных докладчиков ООН, 12 января 2018 г., OL CHN1/2018 и CERD, Заключительные замечания, CERD/C/CHN/CO/14-17, 19 сентября 2018 г., п. 40 (е).

²⁰⁵ См. ответ правительства от 15 марта 2018 г. на другое письмо Специальных докладчиков ООН OL CHN 1/2018 от 12 января 2018 г. См. также информацию, полученную из Китая, о выполнении Заключительных замечаний по его объединенным Четырнадцатому-Семнадцатому периодическим докладам, 5 февраля 2020 г., CERD/C/CHN/FCO/14-17.

²⁰⁶ Интервью УВКПЧ.

индивидуально и коллективно,²⁰⁷ включая право на религиозный выбор и его открытое проявление. Религиозные практики включает в себя богослужение, будь то в форме религиозной молитвы и проповеди, демонстрации символов или строительства мест отправления культа, а также соблюдение традиции, включая такие обычаи, как религиозные праздники, отмечающие важные даты религиозного календаря, правила питания, ношения отличительной одежды или использование определенного языка, а также обучение, включая свободу выбирать собственных религиозных лидеров, создавать религиозные школы, а также готовить и распространять религиозные тексты или публикации.²⁰⁸ Международные нормы ясно показывают, что право на свободу религии не может быть ограничено, даже во время чрезвычайных ситуаций.²⁰⁹ Право выбора религии или убеждений, а также право исповедовать свою религию в частном порядке также не могут быть ограничены. Только публичное проявление религии или убеждений может подлежать определенным ограничениям, если они предусмотрены законом, а также необходимы и соразмерны для достижения законной цели, например, для защиты общественной безопасности, порядка, здоровья и нравственности или для защиты основных прав и свободы других людей.²¹⁰

92. Ограничения, налагаемые на свободу вероисповедания в отношении исламской религиозной практики в СУАР, не соответствуют этим нормам. С точки зрения требования законности, хотя некоторые ограничения и предписаны законом, другие являются следствием того, что некоторые виды поведения на практике считаются «признаком экстремизма», даже если поведение как таковое на самом деле не может быть незаконным, например, длинная борода или отказ от использования телевизора. Кроме того, цель борьбы и искоренения «религиозного экстремизма», учитывая его широту и неопределенность в законе, в соответствии с международным правом в области прав человека не может быть законной целью. Наконец, обобщенные ограничения на широкий круг проявлений, вызванных соблюдением религиозных предписаний, не могут быть охарактеризованы как необходимые или пропорциональные такой цели.

93. Международное право запрещает дискриминацию, в том числе по признаку религиозной или этнической принадлежности,²¹¹ и защищает меньшинства в их возможности пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и использовать свой язык.²¹² Поскольку законы и политика правительства, в том числе в контексте кампании «Сильный удар», ограничивают и подавляют практики, которые являются частью идентичности и культурной жизни лиц, принадлежащих к уйгурским и другим преимущественно мусульманским меньшинствам, то это вызывает обеспокоенность по поводу дискриминации таких меньшинств на запрещенных основаниях.

В. Права на неприкосновенность частной жизни и свободу передвижения

94. Реализация политики правительства по борьбе с терроризмом и «экстремизмом» сопровождается обвинениями в чрезмерном применении интенсивного наблюдения и контроля.

²⁰⁷ Статья 18 ВДПЧ; статья 5 КЛРД; статья 14 КПР; Статья 18 МПГПП. См. также Декларацию ООН о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений, а также Декларацию ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам.

²⁰⁸ Комитет ООН по правам человека, Замечание общего порядка № 22, CCPR/C/21/Rev.1/Add.4, пп. 4 и 8.

²⁰⁹ Комитет ООН по правам человека, Замечание общего порядка № 22, CCPR/C/21/Rev.1/Add.4, п. 5.

²¹⁰ Статья 18(3) МПГПП.

²¹¹ Например, статья 2(2) МПЭСКП; Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам, Замечание общего порядка № 3, E/1991/23, п. 1; Замечание общего порядка № 16, E/C.12/2005/4, пп. 16, 32 и 40.

²¹² Статья 27 МПГПП; статьи 3 и 15(1)(а) МПЭСКП; Декларация ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам.

95. Как отмечалось выше, органы общественной безопасности наделены широкими полномочиями по предотвращению, расследованию и реагированию на террористические и «экстремистские» акты,²¹³ включая использование «технологических следственных мер», а также сбор и хранение данных, касающихся некоторых аспектов частной жизни, включая личные биометрические данные.²¹⁴ Уголовно-процессуальный закон разрешает сотрудникам органов общественной безопасности использовать специальные методы расследования, в том числе электронное наблюдение,²¹⁵ в то время как Закон о борьбе с терроризмом позволяет им налагать ряд ограничительных мер на подозреваемых.²¹⁶

96. Эти широкие полномочия обеспечивают законодательную основу для того, что на практике получило оценку как сложная, крупномасштабная и структурированная система наблюдения, внедренная по всему региону как онлайн, так и оффлайн. Имеющиеся описания позволяют предположить, что эта система была разработана в сотрудничестве с частными охранными и технологическими компаниями, которые поставляют необходимые технологии, в том числе для физического и электронного мониторинга в форме сбора биометрических данных, включая сканирование радужной оболочки глаза и изображения лица. Сообщается, что такой мониторинг осуществляется с помощью постоянно действующей сети камер наблюдения, включая системы распознавания лиц; обширной сети «приспособленных полицейских участков» и других контрольных пунктов; и широкого доступа к личным средствам связи и финансовой истории людей в сочетании с аналитическим использованием технологий обработки больших данных.²¹⁷

97. Документы, находящиеся в открытом доступе, как представляется подробно описывают (i) полицейскую базу данных, содержащую сотни тысяч файлов, многие из которых указывают на широко распространенную слежку за «этнически говорящим населением»;²¹⁸ (ii) документы, по-видимому, официального характера в форме так называемых «бюллетеней» с полицейской платформы, которая используется для хранения данных о лицах, которые могут быть маркированы для потенциального задержания, называемой «Интегрированной платформой совместных операций» (IJOP);²¹⁹ и (iii) полицейское приложение, используемое для связи с системой IJOP, агрегирующее разнообразные данные о людях, которых это приложение оценивает как потенциально опасных, основываясь на наборе специфических типов поведения и показателей.²²⁰

98. В совокупности они составляют ключевые элементы системы интенсивного электронного наблюдения, которая может быть направлена и фактически направлена против уйгуров и представителей других преимущественно мусульманских групп населения, в результате чего определенные действия, такие как загрузка исламских религиозных материалов или общение с людьми за границей, могут автоматически отслеживаться и помечаться правоохранительными органами как возможные признаки

²¹³ Например, статьи 17–67 СТЛ; Статьи 16–37 XIM (после поправок 2018 г.).

²¹⁴ Например, статьи 45, 50 СТЛ; статья 31 XIM (после поправки 2018 года).

²¹⁵ Статья 150 Закона о борьбе с терроризмом (CPL) (и последующие).

²¹⁶ Статья 53 СТЛ.

²¹⁷ См. многочисленные документы, которые, по-видимому, носят официальный характер, относящиеся к системе наблюдения, такие как «Китайские телеграммы» и бюллетени Интегрированной совместной операционной платформы (IJOP), выпущенные Международным консорциумом журналистов-расследователей (ICIJ) в ноябре 2019 года; «Синьцзянские документы», New York Times: «Абсолютно никакой пощады»: просочившиеся файлы раскрывают, как Китай организовал массовые задержания мусульман, А. Рамзи и К. Бакли, 19 ноября 2019 г.; «База данных полиции Урумчи», опубликованная изданием Intercept, Ю. Грауэр, 29 января 2021 г.; «Досье полиции Синьцзяна», выступление министра общественной безопасности Чжао Кэчжи, 15 июня 2018 г.; см. также Human Rights Watch, «Алгоритмы репрессий Китая», 1 мая 2019 г.; Amnesty International, «Как будто мы были врагами на войне», 10 июня 2021 г., стр. 35-36.

²¹⁸ The Intercept, «Раскрыта огромная китайская база данных», Ю. Грауэр, 29 января 2021 года.

²¹⁹ Международный консорциум журналистов-расследователей, «Китайские телеграммы | Руководство Китая по массовому интернированию», 24 ноября 2019 года.

²²⁰ Human Rights Watch, «Алгоритмы репрессий Китая», 1 мая 2019 года.

«экстремизма», требующие полицейских мер реагирования, включая потенциальное направление в учреждение ЦПОО или другие места задержания. В доступных материалах также подробно описано, как полиция использует информаторов из общины для сбора сведений, а также как граждане Китая, получившие иностранное гражданство и запросившие визы для возвращения домой, могут оказаться под пристальным наблюдением.²²¹

99. Помимо онлайн-наблюдения, по крайней мере, с 2016 года в СУАР значительно увеличилось число контрольно-пропускных пунктов, охраняемых хорошо вооруженными полицейскими подразделениями, на главных дорогах, в деревнях и кварталах, а также других способов мониторинга передвижения людей. В УВКПЧ было сообщено о распространении так называемых «приспособленных полицейских участков» и контрольно-пропускных пунктов по всему региону.²²² По словам одного из опрошенных, «дорога, на которую раньше уходило 2,5 часа, теперь занимает 9 часов».²²³ Опрошенные также рассказали, что для выхода из дома и поездки в соседнее село требовалось разрешение местных властей.²²⁴ Сообщалось, что ограничения на свободное передвижение применялись целенаправленно и дискриминационно, при этом представители этнических общин систематически проверялись на блокпостах и контрольно-пропускных пунктах, в том числе в аэропортах, а остальные могли проходить через так называемые «зеленые коридоры».²²⁵ Из доступной информации также убедительно следует, что правительственные чиновники начали конфисковывать паспорта у уйгуров и представителей других преимущественно мусульманских меньшинств примерно в 2014 году, и что с конца 2016 года эта практика усилилась.²²⁶ Некоторые сообщали, что при въезде из-за границы в Китай упоминания в паспорте «Синьцзяна» как места проживания (*хукоу*) было достаточно, чтобы человека забрали для отдельного опроса.²²⁷

100. Кроме того, в 2014 году правительство начало программу «*Фанхуэйджу*», трехлетнюю кампанию в СУАР с целью «*Посетить людей, принести пользу людям и собрать сердца людей вместе*», в рамках которой было направлено 200 000 сотрудников для развития общин и регулярного посещения людей по месту жительства.²²⁸ В 2016 году власти начали кампанию «Стать семьей», в рамках которой кадровые и гражданские работники всех этнических групп были объединены в пары для проведения регулярных визитов. В декабре 2017 года программа была значительно расширена, власти направили более 1 миллиона сотрудников на неделю в сельскую местность для проживания в местных домах. В начале 2018 года программа «проживания в доме» была снова продлена: сотрудники проводили в домах семей не

²²¹ The Intercept, «Раскрыта огромная китайская база данных», Ю. Грауэр, 29 января 2021 года.

²²² Интервью УВКПЧ. Об этом также говорится в речи министра общественной безопасности Чжао Кэчжи, в котором он упоминает 7629 приспособленных полицейских участков в СУАР, см. «Полицейские файлы Синьцзяна».

²²³ Интервью УВКПЧ.

²²⁴ Интервью УВКПЧ.

²²⁵ Протокол встречи УВКПЧ с представителем СМИ. См. также Wall Street Journal, «Двенадцать дней в Синьцзяне: Как государственное наблюдение в Китае подавляет повседневную жизнь», Джош Чин, 19 декабря 2017 года.

²²⁶ Об этой тенденции в УВКПЧ также сообщили ряд опрошенных. Вопрос о конфискации паспортов был поднят Комитетом ООН по ликвидации расовой дискриминации в 2018 году. В ответ правительство отметило, что паспорта выдаются в соответствии с соответствующими положениями Закона о паспортах Китая и Административного закона о выезде и въезде, см. КЛРД, Заключительные замечания по объединенным Четырнадцатому-Семнадцатому периодическим докладам Китая (в том числе Гонконга (Китай) и Макао (Китай)), 19 сентября 2018 г., пп. 40 (с) и 41 (f); и последующий ответ правительства Китая, CERD/C/CHN/FCO/14-17, п. 4, 5 февраля 2020 г. Более того, статья 53(б) Закона Китая о борьбе с терроризмом 2015 года допускает конфискацию паспортов в ходе расследования предполагаемой террористической деятельности «в зависимости от степени угрозы» (неофициальный перевод).

²²⁷ Интервью УВКПЧ.

²²⁸ См., например, репортаж государственного СМИ «Народ»: «访民情惠民生聚民心»新疆20万机关干部下基层住万村--新疆频道--人民网(people.com.cn).

менее пяти дней каждые два месяца. По данным правительства, с 2016 года в рамках этих кампаний «этнического единства» около 1,1 миллиона чиновников «объединились в пары и подружались» с 1,6 миллионами местных жителей, «относясь друг к другу как к членам семьи» и «наладили глубокие связи посредством тесного взаимодействия».²²⁹

101. Правительство представляет эти программы²³⁰ как способствующие социальной сплоченности и развитию общества. Программы выглядят как недобровольные по своей природе²³¹ и имеют очевидные и значительные последствия для частной жизни семьи. Например, те, кто имел непосредственный опыт участия в таких программах, объяснили, что им не разрешалось молиться или говорить на своем родном языке, когда к ним приезжали «родственники».²³² Программа «Стать семьей» также оказала явное гендерное воздействие. Несколько женщин, участвовавших в программе,²³³ говорили о сексуальных домогательствах и других формах навязчивого дискомфорта, причиняемого посещением кадровых работников (мужского пола). Одна из опрошенных, чей муж содержался под стражей в учреждении ЦПОО в то время, когда она участвовала в программе проживания в семье, рассказала о своем опыте следующим образом: «Они ели с нами. Я готовила для них еду. Они были рядом все время, даже когда я делала домашнее задание с детьми. Детей пришлось воспитывать против собственного отца, потому что они говорили, что у него „плохие идеи“». Весь день велось наблюдение».²³⁴

102. Законы, политика, программы и практика, описанные в этом разделе, обозначают несколько проблем с обеспечением прав человека. Каждый имеет право на защиту от незаконного или произвольного вмешательства в частную жизнь, семью, жилище или корреспонденцию,²³⁵ и на конфиденциальность, включающей защиту информации о физической и социальной идентичности и частной жизни в любое время, онлайн и оффлайн. Любое вмешательство в это право должно быть законным, а не произвольным, что необходимо для защиты важнейших интересов общества, а также соразмерным и сопровождаться гарантиями от нарушений.²³⁶ Широкие полномочия, предоставленные должностным лицам в СУАР, в сочетании с ограниченным независимым контролем и недостаточными процессуальными гарантиями против нарушений, уже вызывают серьезную озабоченность и усугубляются далеко идущими и весьма агрессивными методами постоянного наблюдения. Повышенное внимание к уйгурам и представителям других преимущественно мусульманских меньшинств через призму «экстремизма» также, вероятно, будет дискриминационным либо по своим намерениям, либо по своему результату.

²²⁹ Министерство иностранных дел КНР, «Что неверно, а что правда в вопросах прав человека, связанных с Китаем», 2 июля 2020 года.

²³⁰ См. справочники «Становление семьей», предоставленные Центром документации Синьцзяна университета Британской Колумбии, (неофициальные переводы).

²³¹ Опрошенные УВКПЧ, имеющие непосредственный опыт участия в программах проживания в семье, сообщили УВКПЧ, что они не могли отказать «родственнику».

²³² Интервью УВКПЧ.

²³³ Интервью УВКПЧ.

²³⁴ Интервью УВКПЧ.

²³⁵ Статья 12 ВДПЧ; Статья 14 МПГПП.

²³⁶ См. также доклад УВКПЧ «Право на неприкосновенность частной жизни в эпоху цифровых технологий», A/HRC/27/37, пп. 21 и 28 («Государство должно обеспечить, чтобы любое вмешательство в осуществление права на неприкосновенность частной жизни, семью, жилище или корреспонденцию было разрешено законами, которые: а) являются общедоступными; b) содержат положения, которые обеспечивают сбор, доступ и использования данных связи, и которые адаптированы к конкретным законным целям; c) являются достаточно точными и подробно определяют точные обстоятельства, при которых любое такое вмешательство может быть разрешено, процедуры выдачи разрешения, категории лиц, которые могут быть помещены под наблюдение, пределы продолжительности наблюдения, в также процедуры использования и хранения собранных данных; и d) обеспечивают эффективные гарантии против злоупотреблений».)

103. Международное право в области прав человека также закрепляет право на свободу передвижения, которое включает свободу передвижения и проживания в пределах границ страны, а также право покинуть страну, в том числе свою собственную.²³⁷ Это право подлежит только тем ограничениям, которые предусмотрены законом и строго необходимы для обеспечения национальной и общественной безопасности или общественного порядка, и обеспечения других прав человека. Такие ограничения не могут иметь дискриминационного намерения или результата. Различные политики и практики в СУАР, как описано выше, вызывают беспокойство в этом отношении.

С. Репродуктивные права

104. Дополнительные обвинения были выдвинуты в отношении нарушений репродуктивных прав в СУАР. Эти обвинения должны рассматриваться в контексте более широких проблем с обеспечением сексуальных и репродуктивных прав в Китае. В своих заключительных замечаниях 2014 года Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам, приветствуя решение правительства пересмотреть политику «одна семья – один ребенок», по-прежнему обеспокоен тем, что до сих пор существуют требования, ограничивающие возможность людей свободно решать, сколько иметь детей. Комитет принял к сведению информацию, предоставленную правительством о том, что Закон о народонаселении и планировании семьи запрещает использовать принудительные меры для выполнения квоты на рождаемость, но по-прежнему «серьезно обеспокоен сообщениями о случаях применения принудительных мер, включая принудительные аборты и принудительную стерилизацию, с целью ограничения рождаемости».²³⁸ Комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин также призвал Китай рассмотреть возможность отменить санкции в отношении женщин, нарушающих политику планирования семьи.²³⁹

105. До 2017 года этническим меньшинствам, таким как уйгуры, разрешалось иметь на одного ребенка больше, чем ханьцам, а это означало, что городские уйгурские пары могли иметь двух детей, а сельские уйгурские пары могли иметь трех детей, в то время как городским ханьцам разрешалось иметь одного ребенка, а сельским ханьцам разрешалось иметь двух детей соответственно. В целом правительство сообщает, что население СУАР выросло с 12,98 миллиона человек по переписи 2010 года до 14,93 миллиона человек по переписи 2020 года, а уйгурское население выросло с 10 миллионов человек по переписи 2010 года до 11,6 миллиона человек по переписи 2020 года, что является среднегодовым показателем прироста в 1,52 процента.

106. В 2017 году СУАР внес поправки в свою региональную политику планирования семьи, разрешившие людям всех этнических групп иметь двух детей в городских районах и троих детей в сельской местности, тем самым позволив ханьцам иметь такое же количество детей, что и этническим меньшинствам.²⁴⁰ Поправки также усилили правоприменение, в том числе за счет трехкратного увеличения «выплаты социального содержания», взимаемой с лиц, нарушающих региональную политику планирования семьи.²⁴¹ В июне 2021 года в соответствии с новой национальной политикой СУАР ввел правило трех детей для всех этнических групп.

²³⁷ Статья 13 ВДПЧ; Статья 12 МПГПП.

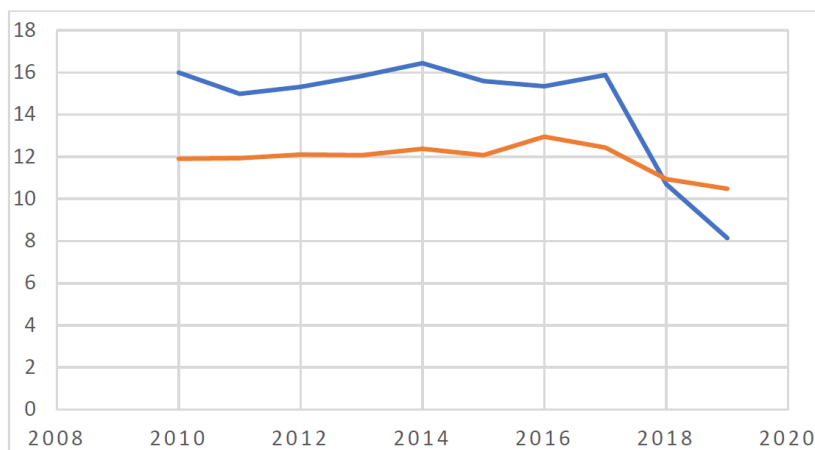
²³⁸ См. Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам, Заключительные замечания по второму периодическому докладу Китая, включая Гонконг, Китай, и Макао, Китай, E/C.12/CHN/CO/2, 13 июня 2014 г., пп. 25-26.

²³⁹ См. также Заключительные замечания Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин, CEDAW/C/CHN/CO/7-8, 14 ноября 2014 г., п. 39(б).

²⁴⁰ Белая книга «Динамика народонаселения и данные по Синьцзяню», Информационное бюро Госсовета, сентябрь 2021 года. См. статью 5 Положений Синьцзян-Уйгурского автономного района о народонаселении и планировании семьи, 28 июля 2017 г. Это изменение политики последовало за изменениями национальной политики 2015 года, разрешающими иметь по два ребенка на пару.

²⁴¹ Статья 42. Поправки к правилам планирования семьи в Синьцзяне (см. заявление Постоянного комитета 12-го Народного конгресса Синьцзян-Уйгурского автономного района от 31 июля 2017 г.).

107. Официальные данные о численности населения указывают на резкое снижение рождаемости в СУАР с 2017 года.²⁴² Данные Китайского статистического ежегодника за 2020 год, охватывающие 2019 год, показывают, что за два года уровень рождаемости в Синьцзяне снизился примерно на 48,7 процента, с 15,88 на тысячу в 2017 году до 8,14 на тысячу в 2019 году. Средний показатель по всему Китаю составляет 10,48 на тысячу.²⁴³

Синяя линия представляет % рождений на 10 000 человек в СУАР. Красная линия представляет % рождений на 10 000 человек в целом по Китаю.²⁴⁴

108. Основная часть этого спада пришлась на районы с уйгурским большинством, причем особенно пострадали две крупнейшие уйгурские префектуры. В Хотане, 96 процентов населения которого составляют уйгуры,²⁴⁵ уровень рождаемости снизился с 20,94 процента в 2016 году²⁴⁶ до 8,58 процента на тысячу родившихся в 2018 году.²⁴⁷ Аналогичным образом, уровень рождаемости в Кашгаре, где примерно 92,6 процента составляют уйгуры,²⁴⁸ снизился с 18,19 процента в 2016 году²⁴⁹ до 7,94 процента на тысячу родившихся в 2018 году.²⁵⁰ Даже принимая во внимание общее снижение рождаемости в Китае,²⁵¹ эти цифры говорят о резком изменении. То же самое относится и к цифрам, касающимся стерилизации и установки внутриматочной спирали (ВМС) в СУАР: официальные данные указывают на необычайно резкий рост

²⁴² Эти цифры следует рассматривать в контексте общего прироста населения СУАР на 18,5 процента в период с 2010 по 2020 год, а также официальной статистики, указывающей на рост уйгурского населения на 1,52 за этот период. См. CGTN, «График дня: население Синьцзяна выросло на 18,5 процента с 2010 по 2020 год», 15 июня 2021 г. См. также Белую книгу «Динамика и данные о населении Синьцзяна», Информационное бюро Госсовета, сентябрь 2021 года. Более того, последствия «политики трех детей» 2021 года еще предстоит увидеть в СУАР, особенно как затрагивающие репродуктивные права уйгуров и других мусульманских этнических меньшинств, см.: CGTN, «Китай публикует решение о политике трех детей, поддерживая меры, 20 июля 2021 года.

²⁴³ См. Китайские статистические ежегодники: <http://www.stats.gov.cn/>.

²⁴⁴ См. Национальное бюро статистики Китая, 2011–2020 гг.: <http://www.stats.gov.cn/>.

²⁴⁵ См. Статистический ежегодник Синьцзяна за 2016 год.

²⁴⁶ Правительство Синьцзяна, Бюллетень национальной статистики экономического и социального развития в регионе Хотан за 2016 г. (неофициальный перевод), 24 апреля 2014 года.

²⁴⁷ См. Бюллетень национальной статистики экономического и социального развития в регионе Хотан за 2018 год, Региональное статистическое управление Хотана, 28 марта 2019 года.

²⁴⁸ См. Статистический ежегодник Синьцзяна за 2016 год.

²⁴⁹ См. Кашгарский регион, Бюллетень национальной статистики экономического и социального развития, 2016 год.

²⁵⁰ См. Кашгарский регион, Бюллетень национальной статистики экономического развития за 2018 год.

²⁵¹ См. Всемирный банк, Коэффициент рождаемости, общий (на 1000 человек) – Восточная Азия и Тихоокеанский регион, Китай | Данные (worldbank.org).

обеих процедур в регионе в 2017 и 2018 годах по сравнению с остальной частью Китая.²⁵² Например, в 2018 году количество стерилизаций в СУАР составляло 243 на 100 000 жителей, тогда как общий показатель по Китаю был лишь незначительной частью этого показателя – всего 32,1 на 100 000 жителей.²⁵³

109. Хотя высокий уровень рождаемости среди уйгуров и других мусульманских этнических меньшинств до 2017 года можно частично объяснить менее строгим соблюдением политики планирования семьи до этого времени,²⁵⁴ ряд других факторов, вероятно, способствуют этому значительному и быстрому падению рождаемости. Правительство заявляет, что это соответствует широким мировым тенденциям, поскольку урбанизация и модернизация снижают уровень рождаемости и смертности. В то же время в различных правительственных документах указывается, что частота рождаемости среди этнического населения СУАР связана с «экстремизмом», что влечет за собой карательные меры в рамках системы борьбы с терроризмом и «экстремизмом» в СУАР. Например, в своей Белой книге «Динамика народонаселения и данные по Синьцзяню», опубликованной в сентябре 2021 года, правительство устанавливает четкую связь между частотой рождаемости и религиозным «экстремизмом», отмечая, что «в прошлом под длительным, повсеместным и токсичным влиянием религиозного „экстремизма“ жизнь большого количества людей в Синьцзяне и особенно в южной части региона подвергалась жесткому вмешательству; ранние браки и деторождение, частые беременности и роды были обычным явлением среди этнических меньшинств».²⁵⁵ Положения СУАР по делам религии (XRAR) запрещают «использование религии для препятствования [...] планированию семьи»,²⁵⁶ Постановление СУАР о деэксстремизации (XRD) 2017 года включило «намеренное вмешательство или подрыв реализации политики планирования семьи» в число 15 «основных проявлений» религиозного экстремизма.²⁵⁷

110. Эта связь между деторождением, планированием семьи и «экстремизмом» находит дальнейшее отражение в ряде официальных постановлений на уровне округов СУАР, в которых указывается, что лица, уличенные в нарушении политики планирования семьи, будут направлены на «профессионально-техническое образование и обучение» и что «необходимо принять долгосрочные меры контроля над рождаемостью».²⁵⁸ Кроме того, официальные документы в открытом доступе, которые, вероятно, являются подлинными, в частности «Список Караках», указывают на то, что нарушения планирования семьи были одной из наиболее частых причин направления в учреждение ЦПОО.

111. Несколько женщин, опрошенных УВКПЧ, выдвинули обвинения о принудительном контроле над рождаемостью, в частности, о принудительной установке ВМС и возможной принудительной стерилизации в отношении уйгурок и этнических казашек. Некоторые женщины говорили о риске суровых наказаний, включая «интернирование» или «тюремное заключение» за нарушения политики планирования семьи. Среди них УВКПЧ опросило некоторых женщин, которые рассказали, что их заставили сделать аборт или поставить ВМС после того, как они достигли разрешенного количества детей в соответствии с политикой планирования

²⁵² См. Китайские ежегодники по здравоохранению и гигиене за 2018 и 2019 годы.

²⁵³ См. Китайские ежегодники по здравоохранению и гигиене, 2019 год.

²⁵⁴ См., например, государственные СМИ, приводящие цифру 10,5% в отношении «незапланированных беременностей» в префектуре Кашгар в период с 1989 по 2014 год, China Daily, «Аналитический отчет об изменении численности населения в Синьцзяне», 1 июля 2017 года.

²⁵⁵ Белая книга «Динамика народонаселения и данные по Синьцзяню», 26 сентября 2021 года.

²⁵⁶ Статья 5.3 XRAR (неофициальный перевод).

²⁵⁷ Статья 9.14 XRD (неофициальный перевод).

²⁵⁸ См. Уведомление о выпуске Плана реализации специального регулирования случаев незаконных рождений в уезде Къемо в 2018 году, статья 17(2); см. также статью 31 Уведомления о принятии мер по администрированию двусторонних услуг по планированию семьи для мобильного населения в уезде Ниллек, ноябрь 2019 года.

семьи.²⁵⁹ Эти свидетельства из первых рук и, хотя их количество ограничено, они считаются заслуживающими доверия.

112. Право на наивысший достижимый уровень здоровья подразумевает сексуальную и репродуктивную свободу, которая включает в себя право отдельных лиц и пар «свободно и ответственно решать вопрос о количестве, промежутках между рождением и сроках рождения своих детей».²⁶⁰ Любые ограничения репродуктивных свобод, например, в контексте политики контроля рождаемости, навязанной государствами в заявленных более широких интересах общего благосостояния, должны соответствовать международному праву и стандартам: они должны быть пропорциональны преследуемой законной цели и никогда не должны быть дискриминационными.²⁶¹ Международные нормы также требуют, чтобы политика планирования семьи не была обязательной или основанной на принуждении.²⁶²

113. Однако имеющаяся информация позволяет предположить, что принудительные меры, вероятно, сопровождали строгий контроль за соблюдением политики планирования семьи после 2017 года, в том числе в контексте контр-террористической и контр-«экстремистской» политики правительства, и были причиной значительного снижения рождаемости в Синьцзяне в целом, и особенно в районах с преимущественно уйгурским населением. Увеличение числа случаев установки ВМС и процедур стерилизации в этот период также происходит в контексте политики принудительного планирования семьи, проводимой с помощью строгих мер, таких как штрафы, направление и угрозы направления в ЦПОО или другие места содержания под стражей, в нарушение репродуктивных прав в период 2017-2019 годы. Хотя политика в СУАР номинально соответствует общей политике правительства к планированию народонаселения,²⁶³ похоже, она связана с широко трактуемым понятием религиозного «экстремизма», что вызывает дополнительную обеспокоенность по поводу дискриминационного применения этой политики в отношении уйгуров и представителей других преимущественно мусульманских меньшинств.

114. Подводя итог, можно сказать, что с 2017 года имеются заслуживающие доверия признаки, указывающие на нарушения репродуктивных прав в ходе принудительного

²⁵⁹ Интервью УВКПЧ.

²⁶⁰ Программа действий Международной конференции по народонаселению и развитию, A/CONF.171/13, принцип 8 и глава VII, раздел А о репродуктивных правах, п. 7.3; Комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин, Общая рекомендация 19, пп. 22 и 24(г); Пекинская декларация и платформа действий, п. 96.

²⁶¹ Комитет ООН по правам человека, Замечание общего порядка № 19, п. 5.

²⁶² Комитет ООН по правам человека, Замечание общего порядка № 19, п. 5; см. также Программу действий Международной конференции по народонаселению и развитию, A/CONF.171/13, принцип 8, глава VII, раздел А о репродуктивных правах, п. 7.3, и Главы VII, Раздел В о планировании семьи, п. 7.12.

²⁶³ Эта политика была задокументирована различными механизмами ООН по правам человека, включая Рабочую группу ООН по вопросу дискриминации в отношении женщин, в ее отчете о ее миссии в Китай в декабре 2013 года, в котором она отметила, что политика одного ребенка, «хотя и направлена на родителей в целом, а не исключительно на матерей, привела к некоторым серьезным нарушениям репродуктивного здоровья и физической неприкосновенности женщин». Рабочая группа заявила, что насилие в отношении женщин «очевидно в использовании принудительной стерилизации и абортов в рамках политики одного ребенка» и, «высоко оценивая недавнее осуждение правительством такой практики, применяемой местными чиновниками, настоятельно подчеркивает, что необходимо принять эффективные профилактические меры на национальном уровне, чтобы предотвратить любое повторение таких преступлений». См. доклад Рабочей группы по вопросу дискриминации женщин, Миссия в Китайской Народной Республике, A/HRC/26/39/Add.2, п. 10 и 92 соответственно. В своих Заключительных замечаниях 2014 года Комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин выразил обеспокоенность тем, что «незаконная практика принудительных абортов и стерилизации сохраняется в Китае», несмотря на «значительные усилия государства-участника по ограничению» такой практики, и что «женщины, нарушившие политику планирования семьи, подвергались штрафам, лишались оплачиваемого отпуска по беременности, родам и уходу за ребенком, и испытывали трудности с регистрацией своих детей». См. Заключительные замечания Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин, CEDAW/C/CHN/CO/7-8, п. 38.

применения политики планирования семьи. Отсутствие доступных правительственных данных, в том числе за период после 2019 года, затрудняет возможность сделать выводы о всем масштабе текущего исполнения этой политики и связанных с этим нарушений репродуктивных прав.

D. Вопросы занятости и труда

115. 20 апреля 2022 года Всекитайское собрание народных представителей одобрило ратификацию Конвенции о принудительном труде 1930 года (№ 29) и Конвенции об упразднении принудительного труда 1957 года (№ 105). Ранее Китай уже ратифицировал другие соответствующие конвенции МОТ, включая Конвенцию о дискриминации в сфере труда и занятий 1958 года (№ 111) и Конвенцию о политике занятости 1964 года (№ 122), которые предусматривают равенство возможностей и обращение без дискриминации по признаку расы и религии при приеме на работу и в сфере образования, а также на свободный выбор работы. Правительство провело ряд важных реформ трудового законодательства, которые должны усилить гарантии против принудительного труда. Статья 96 Закона о труде запрещает принудительный труд, а Закон о трудовых договорах и Закон о содействии занятости обеспечивают дополнительную защиту. Принудительный труд наказывается статьей 244 Уголовного закона, а жертвы также могут предъявлять иски в соответствии с Гражданским кодексом. В 2013 году Китай официально отменил систему «трудового перевоспитания» — форму административного задержания, налагаемую правоохранительными органами, и с тех пор отказался от программ тюремного перевоспитания, существовавших для секс-работников²⁶⁴ и наркозависимых по всей стране.²⁶⁵ План действий Китая по борьбе с торговлей людьми (2021–2030 гг.) также признает торговлю людьми в контексте принудительного труда.²⁶⁶

116. Программы занятости были важным компонентом внутри программ борьбы с бедностью в Китае, в том числе в Синьцзяне. Согласно Белой книге правительства «*Занятость и трудовые права в Синьцзяне*», опубликованной в сентябре 2020 года, с 2014 по 2019 год общее число занятых в Синьцзяне выросло с 11,35 миллиона до 13,3 миллиона, увеличившись на 17,2 процента. В Белой книге также говорится, что среднегодовой прирост занятости в городах составил более 471 200 человек (148 000 в южном Синьцзяне, что составляет 31,4 процента); а среднегодовое переселение «избыточной сельской рабочей силы» составило более 2,76 миллиона человек, из которых почти 1,68 миллиона, или более 60 процентов, находились в южном Синьцзяне. В центре внимания этих программ находился южный Синьцзян, который отставал от традиционных показателей развития.

117. Правительство тесно увязывает свои программы борьбы с бедностью с предотвращением и противодействием религиозному «экстремизму». В «Белой книге» косвенно упоминается предполагаемая связь между религиозным «экстремизмом» и бедностью в СУАР; и отмечается, что в четырех районах, составляющих южный Синьцзян и определяемых как районы крайней бедности, «террористы, сепаратисты и экстремисты [...] подстрекают общественность сопротивляться изучению стандартного устного и письменного китайского языка, отвергать современную науку и отказываться повышать свои профессиональные навыки, экономические условия и улучшать свою жизнь», и что в результате люди впали в долгосрочную бедность.

118. Именно на этом фоне, по крайней мере с 2018 года, появляются сообщения о практике принудительного или обязательного труда²⁶⁷ в отношении уйгуров и представителей других преимущественно мусульманских меньшинств внутри и за

²⁶⁴ Решение об отмене соответствующих правовых положений, касающихся системы содержания под стражей и воспитания, Постоянного комитета ВСНП, 28 декабря 2019 года.

²⁶⁵ Закон о контроле за наркотиками 2007 года.

²⁶⁶ План действий Китая по борьбе с торговлей людьми (2021–2030 гг.), Главное управление Госсовета, 9 апреля 2021 года.

²⁶⁷ Далее «принудительный труд».

пределами СУАР. Эти сообщения касаются двух основных контекстов: (i) помещения в учреждения ЦПОО и «выпуска» из центров;²⁶⁸ (ii) трудоустройство по распределению в СУАР и других частях Китая, известное как программы «избыточной рабочей силы» и «перевода рабочей силы».²⁶⁹

119. Международные стандарты подчеркивают тесную связь между развитием навыков, созданием рабочих мест и программами борьбы с бедностью,²⁷⁰ поощряя их использование для улучшения положения обездоленных групп, таких как этнические меньшинства, но при соблюдении ключевых условий о добровольности участия и их применении на недискриминационной основе. Статья 6 МПЭСМП предусматривает право на труд, которое включает в себя право каждого человека свободно решать, соглашаться на работу, выбирать ее, а также обязанность государств упразднить, запрещать и противодействовать всем формам принудительного труда.²⁷¹ Статья 8 МПГПП также запрещает принудительный труд, за исключением приговора к такому наказанию компетентным судом, а также работу или службу, обычно требуемые от лица, находящегося под стражей (или во время условно-досрочного освобождения) вследствие законного приказа суда. Стандарты МОТ более конкретно определяют принудительный труд как «любую работу или услуги, которые требуют от любого человека под угрозой какого-либо наказания», и для выполнения которых человек не предложил себя добровольно.²⁷² «Угроза наказания» может относиться к уголовным санкциям, а также к различным формам принуждения, таким как удержание удостоверений личности и проездных документов, угрозам, насилию, наложению финансовых штрафов, заключению под стражу, задержке или прекращению выплаты заработной платы или потери прав или других привилегий.²⁷³ Различные трудовые программы необходимо оценивать по этим стандартам.

120. Что касается утверждений о принудительном труде в контексте помещения в учреждения ЦПОО, следует, во-первых, отметить, что официальные документы правительства и другие публичные заявления показывают четкую связь между учреждениями ЦПОО и программами трудоустройства. Например, в Белой книге 2019 года «*Профессиональное образование и обучение в Синьцзяне*» говорится, что «многие из стажеров, завершивших обучение в центрах образования и обучения, впоследствии нашли работу на фабриках или предприятиях». В официальных заявлениях говорится

²⁶⁸ См., например, Financial Times, «Принудительный труд используется в китайских „лагерях перевоспитания”», Э. Фэн, 15 декабря 2018 года.

²⁶⁹ См., например, BBC, «Если остальные поедут, то и я поеду»: Внутри китайской схемы по перемещению и трудоустройству уйгуров, Дж. Садворт, 2 марта 2021 года. В статью включены кадры из репортажа государственной телекомпании Китая, иллюстрирующие, как эта политика работает на практике.

²⁷⁰ Хотя она и не ратифицирована Китаем, см., например, Конвенцию МОТ о развитии человеческих ресурсов 1975 года (№ 142) о принятии и разработке «комплексной и скоординированной политики и программ профессиональной ориентации и профессиональной подготовки, тесно связанных с трудоустройством, в частности, через государственные службы занятости» (статья 1). Отмечая также, однако, что «эти политика и программы поощряют и давать возможность всем людям на равной основе и без какой-либо дискриминации, развивать и использовать свои способности к труду в своих собственных интересах и в соответствии со своими стремлениями, учитывая потребности общества».

²⁷¹ Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам, Замечание общего порядка № 18 («Право на труд»), E/C.12/GC/18, 6 февраля 2006 г., п. 4.

²⁷² Конвенция МОТ о принудительном и обязательном труде 1930 года (№ 29), статья 2(1).

²⁷³ См. МОТ, *Борьба с принудительным трудом. Пособие для работодателей и предприятий*, Женева, 2008 г., часть IV, стр. 8–9. См. также сообщение № 1036/2001 Фор против Австралии, Соображения, принятые Комитетом ООН по правам человека 31 октября 2005 г., п. 7.5 («По мнению Комитета, термин „принудительный или обязательный труд” охватывает целый ряд действий, начиная, с одной стороны, с труда, налагаемого на человека в порядке уголовного наказания, особенно в особо принудительных, эксплуататорских или иных вопиющих условиях, и заканчивая, с другой стороны, формами принудительного труда в обстоятельствах, когда наказание как сопоставимая санкция грозит в случае невыполнения предписанного труда»).

о «непрерывной связи» между ЦПОО и занятостью.²⁷⁴ Похоже также, что компании в СУАР стимулировали, чтобы они нанимали представителей этнических меньшинств,²⁷⁵ включая бывших «стажеров» учреждений ЦПОО. Например, в официальном «уведомлении» Управления общественной информации Кашгара в 2018 году говорилось, что оно планирует перевести 100 000 человек с профессионального обучения на работу, одновременно предлагая значительные субсидии предприятиям, желающим нанять «учащихся».²⁷⁶

121. Правительство заявляет, что такая занятость основана на добровольных трудовых договорах и соответствует закону. Однако тесная связь между трудовыми программами и механизмами борьбы с «экстремизмом», включая систему ЦПОО, вызывает обеспокоенность с точки зрения того, в какой степени такие программы можно считать полностью добровольными. Как объяснялось выше, система ЦПОО представляет собой практику масштабного и произвольного лишения свободы посредством принудительного помещения в учреждения с постоянным проживанием и принудительного «обучения». В результате люди в этой системе находятся под постоянной «угрозой наказания». Например, задержанные в учреждениях ЦПОО рассказали УВКПЧ, что им пришлось работать в учреждениях ЦПОО в рамках «аттестационного процесса», без возможности отказа из-за опасений, что их будут держать в учреждениях дольше.²⁷⁷ Более того, пункты Положения СУАР о деэкстремизации и других законов, постановлений и политик налагают на предприятия и профсоюзы обязанности по дерадикализации, основываясь на расширенных критериях религиозного «экстремизма», сформулированных в законе.²⁷⁸

122. Что касается обвинений в принудительном труде в СУАР, который не обязательно связан с учреждениями ЦПОО, некоторая общедоступная информация о программах «избыточной рабочей силы» предполагает, что для привлечения «избыточных работников» могут использоваться различные методы принуждения.²⁷⁹ В Тринадцатом пятилетнем плане по снижению уровня бедности в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, принятом в мае 2017 года, упоминается «недостаточное желание бедных людей получить работу, что затрудняет создание рабочих мест и увеличение доходов».²⁸⁰ В другом официальном документе указывается, что «избыточные работники» управляются с помощью балльной системы

²⁷⁴ См., например, новости Синьхуа: «Председатель Синьцзян-Уйгурского автономного района ответил на вопросы о стабильности борьбы с терроризмом в Синьцзяне и развитии профессионального образования и обучения» 16 октября 2018 г. (неофициальный перевод).

²⁷⁵ См., например, Тяньшань, «Синьцзян: Руководители предприятий, привлекающих к труду представителей этнических меньшинств в соответствии со стандартами, будут вознаграждены» (неофициальный перевод), 28 июня 2014 года.

²⁷⁶ См. Департамент общественной информации, Кашгар, Уведомление о выпуске Плана реализации профессиональной подготовки для трудных групп населения в Кашгаре, 7 августа 2018 года. Неясно, относится ли эта цифра непосредственно к ЦПОО, но используемая терминология, по-видимому, включает эту целевую группу.

²⁷⁷ Интервью УВКПЧ.

²⁷⁸ См., например, Положение СУАР о деэкстремизации в редакции от октября 2018 года, которое устанавливает обязанности предприятий (статья 46) и профсоюзов (статья 34) по дерадикализации. Предприятия, не выполняющие свои обязанности по дерадикализации, подвергаются «критике и обучению» со стороны объединения, к которому они относятся, и могут быть подвергнуты штрафам (статья 50, неофициальный перевод). На практике эти обязанности резко ограничивают возможности предприятий и профсоюзов играть соответствующую роль в обеспечении равенства возможностей и обращения в сфере труда и занятости без дискриминации. См. выводы МОТ, Комитет по применению стандартов, 2 июня 2022 г., CAN/PV.5.

²⁷⁹ См., например, BBC, «Если остальные поедут, то и я поеду»: Внутри китайской схемы по перемещению уйгуров на работу», Дж. Садворт, 2 марта 2021 года. В статью включены кадры из репортажа государственной телекомпании Китая, иллюстрирующие, как эта политика работает на практике, что вызывает серьезную обеспокоенность по поводу методов принуждения.

²⁸⁰ См. 13-й пятилетний план борьбы с бедностью от июня 2017 года. 14-й пятилетний план борьбы с бедностью, принятый в 2021 году, направлен на укрепление и расширение программ по борьбе с бедностью (неофициальный перевод).

и что баллы вычитаются, если «какой-либо человек не желает участвовать в обучении, несмотря на наличие условий для его участия, не активно работает, несмотря на возможность для трудоустройства, или же у него имеются старомодные и упрямые идеи». В том же документе содержится признание того, что «избыточная сельская рабочая сила» «не желает выходить из своих домов, проходить обучение и стабильно работать» и что руководство системы должно «вознаграждать тех, кто работает хорошо, и критиковать, обучать или даже наказывать тех, кто работает плохо».²⁸¹

123. Похоже, что эти программы особо ориентированы на сельских рабочих, чтобы «превратить их из фермеров в промышленных рабочих».²⁸² Как правило, эти рабочие проживают в более бедных районах, которые также считаются «отсталыми» и подвергаются риску религиозного «экстремизма», в таких как южный и западный Синьцзян. Хотя такая адресность может быть направлена на снижение уровня бедности, при отсутствии необходимой добровольности оно также может быть равнозначно форме дискриминации по религиозному и этническому признаку, особенно в контексте реализации этих программ, описанном в настоящем докладе. Дискриминация по религиозному и этническому признаку сама по себе также может быть фактором, способствующим тому, что люди становятся уязвимыми для принудительного труда.²⁸³

124. В своем годовом отчете, опубликованном 9 февраля 2022 года, Комитет экспертов МОТ по применению конвенций и рекомендаций (КЭПКР) рассмотрел заявления Международной конфедерации профсоюзов в отношении применения Китаем конвенций МОТ № 111 и 122, а также ответы правительства.²⁸⁴ Что касается Конвенции № 111, Комитет выразил «глубокую обеспокоенность по поводу направлений в политике, выраженных в многочисленных национальных и региональных политических и нормативных документах», и «обеспокоенность в отношении применяемых методов, воздействия их заявленных целей и их (прямое или косвенное) дискриминационное воздействие на возможности трудоустройства и обращение с этническими и религиозными меньшинствами в Китае».²⁸⁵

125. Что касается Конвенции № 122, Комитет отметил, что «ситуация с занятостью уйгуров и других мусульманских меньшинств в Китае указывает на многочисленные признаки применения принудительных мер, многие из которых вытекают из нормативных и политических документов».²⁸⁶ Комитет отметил различные показатели, свидетельствующие о мерах, серьезно ограничивающих свободный выбор работы: «К ним относятся государственная мобилизация сельских домохозяйств, в рамках которой местные поселки организуют перевод работников в соответствии с квотами на экспорт рабочей силы; переселение или перевод работников под конвоем; управление на месте и удержание работников под строгим надзором; угроза интернирования в центры профессионального образования и обучения, если работники не примут „правительственное управление“; и неспособность трудоустроенных работников свободно менять работодателей».²⁸⁷

126. После того как комитет КЭПКР направил свой комментарий в отношении Конвенции № 111, в июне 2022 года Комитет Международной конференции труда по применению стандартов «выразил сожаление по поводу применения репрессивных

²⁸¹ Окружное бюро кадров и социального обеспечения, План реализации услуг по трудоустройству избыточной городской и сельской рабочей силы в Чабчальском округе, 22 марта 2018 г. (неофициальный перевод).

²⁸² Окружное бюро кадров и социального обеспечения, План реализации услуг по трудоустройству избыточной городской и сельской рабочей силы в Чабчальском округе, 22 марта 2018 года (неофициальный перевод).

²⁸³ См. Показатели МОТ по принудительному труду — Специальная программа действий по борьбе с принудительным трудом, 1 октября 2012 года.

²⁸⁴ Доклад III «Применение международных трудовых норм, 2022 г.» (Часть А) Доклад Комитета экспертов по применению конвенций и рекомендаций, 110-я сессия Международной конференции труда, 2022 года.

²⁸⁵ Там же, с. 518 и 520.

²⁸⁶ Там же, с. 688.

²⁸⁷ Там же, с. 689.

мер против уйгурского народа, что оказывает дискриминационное воздействие на их возможности трудоустройства и обращение с ними как с религиозным и этническим меньшинством в Китае, помимо других нарушений их основных прав». Комитет призвал правительство, среди прочего, «немедленно прекратить любую дискриминационную практику в отношении уйгурского населения и любых других групп этнических меньшинств, включая интернирование или тюремное заключение по этническим и религиозным мотивам в целях дерадикализации», и «внести поправки в национальные и региональные нормативные положения с целью переориентации мандата центров профессионального обучения и образования с политического перевоспитания, основанного на административном задержании».²⁸⁸

127. УВКПЧ разделяет обеспокоенность наблюдательных органов МОТ ситуацией с правами человека. Хотя требуется дополнительная информация о методах, используемых при найме, трудоустройстве по распределению и условиях работы в контексте системы ЦПОО, и о программах по «избыточной» рабочей силе и ее переводу, та информация, которая является доступной и была изучена УВКПЧ, указывает на то, что существует острая необходимость в дальнейших разъяснениях со стороны правительства, учитывая обязательства Китая по международному праву и в обеспечении последующих мер по рекомендациям МОТ.

128. Подводя итог, можно сказать, что имеются признаки того, что программы труда и занятости, в том числе связанные с системой ЦПОО, выглядят дискриминационными по своей природе или последствиям и включают в себя элементы принуждения, требующие прозрачного разъяснения со стороны правительства.

VII. Разлучение семей и репрессии

129. Реализация заявленной политики по борьбе с терроризмом и «экстремизмом» в СУАР также оказала глубокое влияние на семьи. Распространенное произвольное лишение свободы уйгуров и представителей других преимущественно мусульманских общин в СУАР, зачастую окутанное тайной, привело к тому, что многие семьи были разлучены и не знали о местонахождении своих близких. Особенно это касается диаспоры, откуда также поступали сообщения о репрессиях и запугиваниях в отношении тех, кто ищет информацию о членах своей семьи или публично выражает обеспокоенность.

A. Разлучение семей и насильственные исчезновения

130. Заявления о разлучении семей и насильственных исчезновениях были одними из первых индикаторов обеспокоенности ситуацией в СУАР, где большое количество людей предположительно «насильственно исчезли» или «пропали без вести».²⁸⁹ Примерно две трети из 152 незавершенных дел по Китаю, рассмотренные Рабочей группой ООН по насильственным или недобровольным исчезновениям, относятся к СУАР за период 2017-2022 годов.²⁹⁰

131. Конвенция о защите всех лиц от насильственных исчезновений (CPEI) определяет насильственное исчезновение как «арест, задержание, похищение или любую другую форму лишения свободы представителями государства или лицами или группами лиц, действующими с разрешения, при поддержке или с согласия государства, при последующем отказе признать лишение свободы или сокрытие судьбы или местонахождение исчезнувшего лица, что ставит такое лицо вне защиты закона».²⁹¹ Хотя Китай не является участником Конвенции о насильственных исчезновениях, он связан запретом на насильственные исчезновения, который предусмотрен другими договорами по правам человека, участником которых он

²⁸⁸ Комитет по применению стандартов, 110-я Международная конференция труда, 2 июня 2022 г., CAN/China/PV.5.

²⁸⁹ См. введение.

²⁹⁰ По состоянию на 31 мая 2022 года.

²⁹¹ Конвенция о защите всех лиц от насильственных исчезновений (КЗНИ), статья 2.

является, такими как Конвенция против пыток,²⁹² и в той степени, в которой эта норма кристаллизовалась в обычном праве. Более того, отказ в праве знать правду о местонахождении жертвы насильственного исчезновения может сам по себе представлять собой форму жестокого и бесчеловечного обращения с ближайшими родственниками.²⁹³

132. В некоторых случаях, когда людей доставляли в учреждения ЦПОО, членам семьи не сообщали об их местонахождении, причинах их «направления» в центры или о продолжительности их задержания. Свидетельства из первых рук говорят о том, что информирование семьи не подразумевается действующими правилами, а скорее происходило в индивидуальном порядке после настойчивых попыток членов семьи получить информацию об местонахождении родственников.²⁹⁴ Хотя некоторые опрошенные, по-видимому, знали или подозревали, что члены их семьи были доставлены в учреждение ЦПОО или в учреждение другой формы содержания под стражей, но большинство не могли бы быть уверены в этом, несмотря на попытки выяснить у властей их местонахождение, их судьба для них оставалась неизвестной. Отсутствие информации и каких-либо контактов было особенно болезненным для семей, живущих за границей, и требовало немедленного разъяснения со стороны властей. В том же духе бывшие задержанные заявили, что не имели контактов с семьей во время пребывания в учреждениях ЦПОО и им было неизвестно, знают ли их семьи, где они находятся.²⁹⁵ Неясно, в чем заключались различия в подходе, но некоторым задержанным разрешалось время от времени видеться с родственниками или позвонить по телефону под присмотром и наблюдением.²⁹⁶

133. База данных жертв в Синьцзяне, платформа, которую используют изгнанные члены семей, ищущие местонахождение своих близких в СУАР, в настоящее время содержит сотни записей о предполагаемых «пропавших без вести».²⁹⁷ УВКПЧ изучили десятки интервью членов семей, которые разместили их в базе данных жертв в Синьцзяне и на других сайтах в надежде найти своих близких. Были также изучены аудиозаписи, сделанные членами семей, которые пытались связаться с местными властями в СУАР, чтобы получить разъяснения. Дополнительно были изучены имеющиеся ответы правительства на некоторые из этих случаев. В этих ответах постоянно утверждается, что предположительно пропавшие без вести «живут нормальной жизнью» в СУАР, часто без какой-либо дополнительной подтверждающей информации.

²⁹² Комитет ООН против пыток рассматривал проблему насильственных исчезновений в различных Заключительных замечаниях. См., например, Комитет ООН против пыток, Заключительные замечания по Испании, 9 декабря 2009 г., CAT/C/ESP/CO/5, п. 21, в котором Комитет заявил, что «акты пыток [...] также включают случаи насильственных исчезновений». См. также сообщение № 456/2011, Ларес против Боливарианской Республики Венесуэла, 26 июня 2015 г., п. 6.4, «Комитет далее напоминает, что насильственное исчезновение влечет за собой многочисленные нарушения прав человека и невыполнение соответствующим государством-участником обязательств, содержащихся в Конвенции, и что это представляет, само по себе, в отношении исчезнувшего лица, или может представлять собой в отношении родственников этого лица, форму пыток или бесчеловечного обращения, противоречащего Конвенции».

²⁹³ См., например, Замечание общего порядка о праве на установление истины в отношении насильственных исчезновений, содержащееся в Отчете Рабочей группы по насильственным или недобровольным исчезновениям, 26 января 2011 г., A/HRC/16/48, стр. 15 (п. 4).

²⁹⁴ Интервью УВКПЧ. См. также «Синьцзянские документы», в которых есть секретная директива, в которой властям дается сценарий, как отвечать на вопросы о задержанных членах семьи, задаваемые студентами, которые возвращаются домой в конце академического семестра. В этом руководстве чиновникам предписывалось сообщать студентам, что их родственники находятся в «школе обучения, созданной правительством», которую они не могут покинуть.

²⁹⁵ Интервью УВКПЧ.

²⁹⁶ Интервью УВКПЧ.

²⁹⁷ Трудно определить точное количество «пропавших без вести» по базе данных жертв в Синьцзяне (<https://shahit.biz/rus/>), поскольку информация может быть не совсем актуальной. С 2017/2018 года о случаях исчезновения родственников или друзей сообщили более 1700 человек.

134. Например, 9 апреля 2021 года на пресс-конференции в Пекине власти подтвердили существование 10 708 человек из 12 050 содержащихся в базе данных жертв Синьцзяна. Было сообщено, что 1342 записи относились к лицам, которые были «сфабрикованы». Из 10 708 человек 6962 «жили нормальной жизнью»; 3244 человека были осуждены и получили приговоры за террористические акты и другие преступления; 238 человек умерли от «болезней и других причин», а 264 проживали за границей.²⁹⁸ Власти не обнародовали имена этих людей или судебные решения, на основании которых были осуждены те, кто отбывает тюремное заключение, что в свою очередь сохраняет неопределенность для семей.

135. Разлучение семей является результатом ряда факторов, и не все из них обязательно влекут за собой насильственные или недобровольные исчезновения. Проблемы разделения семей также возникают между семьями, члены которых разделены и проживают в СУАР и за границей. Риск репрессий против членов семей в СУАР из-за контактов из-за границы является важной причиной, неоднократно поднимавшейся в опросах УВКПЧ, и поэтому контакты часто разрываются самими семьями. У УВКПЧ также имеются сведения об уйгурских родителях, живущих за границей, которые по-прежнему не могут связаться со своими детьми, оставшимися у родственников в СУАР.²⁹⁹ Как отмечалось, контакт с лицами за рубежом является одной из причин направления в учреждение ЦПОО. В одном случае человек рассказал, что потерял связь со своей женой и детьми, а также с более чем 30 другими родственниками в СУАР, все из которых, по его словам, либо сменили свои номера телефонов, либо просто отказались отвечать на его телефонные звонки из-за страха репрессий.³⁰⁰ По словам другого опрашиваемого: «Я не разговаривал с семьей, потому что мне сказали не связываться с ними, иначе их отправят на перевоспитание».³⁰¹

В. Запугивания, угрозы и репрессии

136. Китайские власти продолжают открыто критиковать жертв и их родственников, ныне живущих за границей, за рассказы о своем опыте в СУАР, дискредитируя истории, которые становятся достоянием общественности.³⁰²

137. О запугиваниях и угрозах сообщили также бывшие задержанные, некоторых из которых перед освобождением заставили подписать документ, в котором они пообещали не рассказывать о своем опыте пребывания в ЦПОО.³⁰³ По словам одного из опрашиваемых, «Нам пришлось подписать документ, что мы будем хранить молчание о лагере. В противном случае нас бы держали дольше и вся семья была бы наказана.»³⁰⁴

138. Опрошенные постоянно рассказывали о запугивании, угрозах и репрессиях. Две трети опрошенных, с которыми беседовало УВКПЧ, заявили, что стали жертвами той или иной формы запугивания или репрессий, в частности, телефонных звонков или сообщений с угрозами, в основном исходивших от китайцев, но также и из соседних государств, другим изгнанным уйгурам или казахам, или от членов семьи, возможно, действующих по указанию властей. Некоторые также утверждали, что члены семей в СУАР подвергались запугиванию или прямым репрессиям в результате публичного выступления за границей, в том числе их доставляли в ЦПОО или другие учреждения.

²⁹⁸ Седьмая пресс-конференция Синьцзян-Уйгурского автономного района по вопросам Синьцзяна в Пекине, 9 апреля 2021 г. См. стенограмму на сайте посольства Китая в США: <https://www.mfa.gov.cn/ce/ceus//eng/zt/wonderfulxj/xinjiangpressconference/7thpress/t1894724.htm>.

²⁹⁹ См. также, например, Amnesty International «Сердца и жизни разбиты: кошмар уйгурских семей, разделенных репрессиями», 19 марта 2021 года.

³⁰⁰ Интервью УВКПЧ.

³⁰¹ Интервью УВКПЧ.

³⁰² См., например, Министерство иностранных дел КНР, пресс-конференция официального представителя Министерства иностранных дел Ван Вэньбиня 23 февраля 2021 г.: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/2511_665403/202102/t20210224_9721163.html.

³⁰³ Интервью УВКПЧ.

³⁰⁴ Интервью УВКПЧ.

139. За последние несколько лет была получена заслуживающая доверия информация о проживающих за рубежом членах уйгурской общины, которые были насильственно возвращены или подвергались риску насильственного возвращения в Китай в нарушение запрета на выдворение, предусмотренного международным правом. Механизмы ООН по правам человека, в том числе Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации, а также Специальные процедуры, выразили обеспокоенность по поводу сообщений о насильственном возвращении уйгуров в Китай и напомнили о правах человека и обязательствах по законодательству о беженцах как Китая, так и третьих стран в таких обстоятельствах.³⁰⁵ В этом контексте УВКПЧ также известно о десятках уйгуров, проживающих в третьих странах, у которых истек срок действия паспортов и которые столкнулись с трудностями при продлении своих документов, в том числе из-за страха репрессий или страха быть принудительно возвращенными в Китай.

140. Кроме того, поступали сообщения об угрозах репрессий в отношении сотрудников, нанятых иностранными предприятиями или осуществляющих деятельность от имени иностранных предприятий, связанных с СУАР, при попытке проявить должную осмотрительность и требовать прозрачности в соответствии с Руководящими принципами Организации Объединенных Наций в области бизнеса и прав человека.

141. Эта картина запугивания, угроз и репрессий, как правило, заслуживает доверия и, вероятно, оказала и продолжает оказывать серьезное сдерживающее воздействие на права этих сообществ на свободу выражения мнений, неприкосновенность частной жизни, физическую неприкосновенность и семейную жизнь, и, как следствие, препятствует потоку информации о ситуации внутри СУАР.

142. В заключение, практика разделения семей среди уйгуров и членов других преимущественно мусульманских меньшинств, которая в некоторых случаях может приравниваться к насильственным исчезновениям, является прямым следствием методов, с помощью которых осуществлялась программа содержания под стражей, и, следовательно, может иметь последствия в аналогичных масштабах. Это усугубляется практикой запугиваний и угроз расправы в отношении жертв и их родственников в СУАР и за его пределами. На правительстве по-прежнему лежит ответственность за срочное выяснение судьбы и местонахождения пропавших без вести членов семей, а также за содействие безопасным контактам и воссоединению. В то же время, в свете общей оценки ситуации с правами человека в СУАР, страны, принимающие уйгуров и другие мусульманские меньшинства из СУАР, должны воздерживаться от их насильственного возвращения при любых обстоятельствах, когда существует реальный риск нарушения принципа, запрещающего выдворение.

VIII. Общая оценка и рекомендации

143. Серьезные нарушения прав человека были совершены в СУАР в контексте борьбы правительства с терроризмом и «экстремизмом». Реализация этих стратегий и связанной с ними политики в СУАР привела к возникновению взаимосвязанных систем жестких и необоснованных ограничений широкого спектра прав человека. Эта практика ограничений характеризуется дискриминационным компонентом, поскольку лежащие в ее основе действия часто прямо или косвенно затрагивают уйгурские и другие преимущественно мусульманские общины.

144. Нарушения прав человека, как документально подтверждено в данном докладе, вытекают из внутренней «системы антитеррористического законодательства», которая является глубоко проблематичной с точки зрения международных норм и стандартов в области прав человека. Система содержит расплывчатые и широкие определения,

³⁰⁵ См., например, Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации, Заключительные замечания по объединенным Четырнадцатому-Семнадцатому периодическим докладам Китая (включая Гонконг, Китай и Макао Китай), CERD/C/CHN/CO/14-17, п. 40(d) и 42(g), 19 сентября 2018 г. См. также: <https://news.un.org/en/story/2009/12/325022-forcible-return-uyghurs-cambodia-sparks-un-experts-concern>.

которые предоставляют должностным лицам широкую свободу действий в интерпретации и применении своих обширных следственных, превентивных и репрессивных полномочий в сочетании с недостаточными процессуальными гарантиями и ненадлежащим независимым контролем. Эта система, уязвимая для дискриминационного применения, привела к практике масштабного произвольного лишения свободы членов уйгурских и других преимущественно мусульманских общин в СУАР в так называемых ЦПОО и других учреждениях, по крайней мере, в период с 2017 по 2019 год. Даже если система ЦПОО с тех пор сократилась или была ликвидирована, как утверждает правительство, законы и политика, лежащие в ее основе, остаются в силе. По-видимому, существует параллельная тенденция в уголовном правосудии, связанная с увеличением числа и продолжительности тюремных заключений, что позволяет предположить, что фокус лишения свободы сместился в сторону тюремного заключения на основе применения контр-террористического и контр-«экстремистского» законодательства.

145. Не меньшее беспокойство вызывает обращение с лицами, содержащимися в системе учреждений ЦПОО. Заявления о систематических пытках или жестоком обращении, включая принудительное медицинское лечение и ненадлежащие условия содержания, заслуживают доверия, равно как и заявления об отдельных случаях сексуального и гендерного насилия. Хотя имеющаяся на данном этапе информация не позволяет УВКПЧ сделать однозначные выводы относительно точных масштабов таких нарушений, очевидно, что крайне секретный и дискриминационный характер учреждений ЦПОО в сочетании с ограниченным доступом к эффективным средствам правовой защиты или недостаточным контролем со стороны властей, создают условия для того, чтобы такие нарушения имели место в широком масштабе.

146. Системы произвольного задержания и связанная с ними практика нарушений в ЦПОО и других местах содержания под стражей возникают на фоне более широкой дискриминации в отношении представителей уйгурских и других преимущественно мусульманских меньшинств, основанной на предполагаемых угрозах безопасности, исходящих от отдельных членов этих групп. Это включает в себя далеко идущие, произвольные и дискриминационные ограничения прав человека и основных свобод в нарушение международных норм и стандартов. К ним относятся неоправданные ограничения на религиозную идентичность и самовыражение, а также права на неприкосновенность частной жизни и передвижение. Имеются серьезные признаки нарушений репродуктивных прав в результате принудительного и дискриминационного применения политики планирования семьи и контроля над рождаемостью. Аналогичным образом, есть признаки того, что программы труда и занятости, преследующие предполагаемые цели снижения уровня бедности и предотвращения «экстремизма», в том числе связанные с системой ЦПОО, могут включать в себя элементы принуждения и дискриминации по религиозному и этническому признаку.

147. Описанная политика и практика в СУАР вышли за пределы страны, разделяя семьи и разрывая человеческие контакты, причиняя при этом особые страдания затронутым семьям уйгурских, казахских и других преимущественно мусульманских меньшинств, усугубляемые практикой запугивания и угроз в отношении членов диаспоры, публично говорящих о пережитом в СУАР.

148. Доступная в настоящее время УВКПЧ информация о реализации заявленной правительством программы борьбы с терроризмом и «экстремизмом» в СУАР в период 2017-2019 гг. и, возможно, в последующий период также вызывает обеспокоенность с точки зрения международного уголовного права. Масштабы произвольного и дискриминационного задержания членов уйгурских и других преимущественно мусульманских групп, производимых на основе действующего законодательства и в контексте ограничений и нарушений основных прав, которыми пользуются индивидуально и коллективно, могут представлять собой международные преступления, в частности преступления против человечности.

149. На правительстве лежит главная обязанность обеспечить приведение всех законов и политики в соответствие с международным правом в области прав человека, а также оперативно расследовать любые заявления о нарушениях прав человека,

обеспечить привлечение к ответственности виновных и обеспечить возмещение ущерба пострадавшим. Лица, произвольно лишены свободы, должны быть немедленно освобождены. Поскольку условия для продолжения и повторения серьезных нарушений сохраняются, то это также требует оперативных и эффективных усилий властей для их исключения. Ситуация с правами человека в СУАР также требует срочного внимания со стороны правительства, межправительственных органов ООН и системы прав человека, а также международного сообщества в более широком смысле.

150. УВКПЧ благодарит правительство и другие учреждения за предоставленную информацию об аспектах ситуации в СУАР. Проведенной оценке также способствовал огромный объем исследований, проведенных неправительственными организациями, исследователями, журналистами и учеными за последние годы (и прошедших независимую оценку УВКПЧ). УВКПЧ глубоко признательно жертвам и свидетелям, которые были готовы поделиться своим опытом с УВКПЧ, несмотря на потенциальный риск для себя и своих близких.

Рекомендации

151. УВКПЧ рекомендует правительству Китая:

- (i) Принять срочные меры по освобождению всех лиц, произвольно лишенных свободы в СУАР, будь то в ЦПОО, тюрьмах или других местах содержания под стражей;
- (ii) Срочно уточнить местонахождение лиц, чьи семьи искали информацию о своих близких в СУАР, в том числе путем предоставления подробной информации об их точном местонахождении и установления безопасных каналов для связи и поездок, позволяющих семьям воссоединиться;
- (iii) Провести полный пересмотр правовой базы, регулирующей национальную безопасность, борьбу с терроризмом и права меньшинств в СУАР, чтобы обеспечить их соответствие с обязательствами Китая по международному праву в области прав человека, и срочно отменить все дискриминационные законы, политику и практику в отношении уйгуров и других преимущественно мусульманских меньшинств в СУАР, в частности те, которые привели к серьезным нарушениям прав человека, как подробно описано в настоящем докладе;
- (iv) Оперативно расследовать заявления о нарушениях прав человека в центрах ЦПОО и других местах содержания под стражей, включая заявления о пытках, сексуальном насилии, жестоком обращении, принудительном медицинском лечении, а также о принудительном труде и сообщениях о смертях в местах содержания под стражей;
- (v) Выполнять в приоритетном порядке Заключительные замечания Комитета ООН против пыток и Комитета ООН по ликвидации расовой дискриминации, включая создание независимого механизма контроля для обеспечения быстрого, беспристрастного и эффективного расследования всех заявлений о пытках и жестоком обращении;
- (vi) Обеспечивать, чтобы наблюдение как онлайн, так и оффлайн соответствовало строгим критериям законности, необходимости и соразмерности, в том числе в вопросах национальной безопасности, и не ущемляло основные права и свободы людей;
- (vii) Сотрудничать с МОТ и социальными партнерами по выполнению рекомендаций Комитета экспертов МОТ по Конвенциям № 111 и 122, в том числе путем направления технической консультативной миссии, а также по реализации Конвенций № 29 и №105 о принудительном труде и Протокола 2014 г.,³⁰⁶

³⁰⁶ Комитет по применению стандартов, 110-я Международная конференция труда, 2 июня 2022 г., CAN/China/PV.5.

- (viii) Обеспечивать эффективные средства правовой защиты и возмещение ущерба жертвам нарушений прав человека;
- (ix) Разъяснить сообщения о разрушении мечетей, святынь и кладбищ, предоставляя данные и информацию, и остановить такую деятельность;
- (x) Немедленно прекратить репрессии и практику запугивания в отношении уйгуров и других преимущественно мусульманских меньшинств за рубежом в связи с их адвокативной деятельностью, а также членов их семей в СУАР; и обеспечить, чтобы все граждане, включая уйгуров и другие преимущественно мусульманские меньшинства, могли иметь действительный паспорт и выезжать в Китай и выезжать из него, не опасаясь репрессий;
- (xi) Ратифицировать Международный пакт о гражданских и политических правах; Международную конвенцию для защиты всех лиц от насильственных исчезновений; и Факультативные протоколы к Конвенции против пыток, к Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации и к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин;
- (xii) Пригласить в приоритетном порядке Рабочую группу по насильственным и недобровольным исчезновениям, Рабочую группу по произвольным задержаниям, Специального докладчика по вопросу о пытках, Специального докладчика по вопросу о правах меньшинств, Специального докладчика по вопросу о свободе религии и убеждений, Специального докладчика по культурным правам и Рабочую группу по бизнесу и правам человека, чтобы они могли провести неограниченные визиты в Китай, в том числе в СУАР; и
- (xiii) Продолжать взаимодействие с УВКПЧ для дальнейшей оценки ситуации и содействовать дальнейшим визитам представителей УВКПЧ и техническим обменам по вопросам прав человека в СУАР в рамках последующей деятельности по итогам визита Верховного комиссара.

УВКПЧ по-прежнему готово оказать поддержку и дать советы по выполнению этих рекомендаций.

152. УВКПЧ рекомендует бизнес-сообществу:

- (i) Принимать все возможные меры для выполнения обязанностей по соблюдению прав человека во всей деятельности и деловых отношениях, как это предусмотрено Руководящими принципами ООН в области бизнеса в аспекте прав человека, в том числе посредством политики должной осмотрительности в области прав человека, и сообщать об этом публично; и
- (ii) Усилить оценку рисков для прав человека компаниями, обеспечивающими наблюдение и безопасность, в том числе могут ли технологии и предоставляемые услуги привести или способствовать неблагоприятному воздействию на права человека, в том числе на права на неприкосновенность частной жизни, свободу передвижения и на соблюдение принципа недискриминации.

153. Во исполнение этих рекомендаций УВКПЧ рекомендует международному сообществу поддержать усилия по укреплению защиты и поощрения прав человека в регионе СУАР. Государствам следует и далее воздерживаться от возвращения в Китай представителей уйгурских и других преимущественно мусульманских меньшинств, которым грозит *выдворение*, и предоставлять гуманитарную помощь, включая медицинскую и психосоциальную поддержку, жертвам в государствах, в которых они находятся.

Приложение

Вербальная нота Постоянного представительства Китайской Народной Республики при Организации Объединенных Наций в Женеве от 31 августа 2022 года и приложение

Доступно по адресу: <https://www.ohchr.org/en/documents/country-reports/ohchr-assessment-human-rights-concerns-xinjiang-uyghur-autonomous-region>.

* Исправления, внесенные по требованию УВКПЧ в дополнение к политике защиты индивидуальных прав и интересов.